

Российская Академия Наук

НКС ООН РАН

Ассоциация
Российских
Банков

Национальный исследовательский
институт Доверия, Достоинства и Права

АНАЛИЗИРУЯ СЕГОДНЯ, ГОВОРИМ И ДУМАЕМ О БУДУЩЕМ

Материалы заседания 18 апреля 2020 года

ДОКЛАДЧИКИ:

Аветисян Арутюн Ишханович

академик РАН, доктор физико-математических наук,
директор Института системного программирования
им. В.П. Иванникова РАН

Аганбегян Абел Гезевич

академик РАН, доктор экономических наук

Ушаков Дмитрий Викторович

академик РАН, доктор психологических наук,
директор Института психологии РАН

Касавин Илья Теодорович

член-корреспондент РАН, доктор философских наук,
руководитель сектора социальной эпистемологии
Института философии РАН

Волков Михаил Владимирович

первый заместитель председателя правления,
член совета директоров ПАО «Прио-Внешторгбанк»

НКС ООН РАН

Научно-консультативный совет по правовым,
психологическим и социально-экономическим проблемам
общества Отделения общественных наук РАН

АРБ

Ассоциация российских банков

НИИ ДДнП

Национальный исследовательский институт
Доверия, Достоинства и Права

АНАЛИЗИРУЯ СЕГОДНЯ, ГОВОРИМ И ДУМАЕМ О БУДУЩЕМ

Материалы заседания 18 апреля 2020 года

Под общей редакцией
академика РАН
Г.А. Тосуняна

Москва
2022

УДК 3(100)(066)

ББК 6/8(0)я431

А64

**Анализируя сегодня, говорим и думаем о будущем:
Материалы совместного заседания НКС ООН РАН и НИИ
ДДиП 18 апреля 2020 года** / Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук Российской академии наук, Ассоциация российских банков, Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права; [под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна]. — М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. — 175 с. ISBN 978-5-6047557-6-1.

Сборник содержит доклады известных ученых: директора Института системного программирования им. В.П. Иванникова РАН, ак. РАН А.И. Аветисяна; зав. кафедрой экономической теории и политики РАНХиГС при Президенте РФ, ак. РАН А.Г. Аганбегяна, директора Института психологии РАН, ак. РАН Д.В. Ушакова; руководителя Сектора социальной эпистемологии Института философии РАН, чл.-к. РАН И.Т. Касавина; первого заместителя председателя правления, члена совета директоров «Прио-Внешторгбанка» М.В. Волкова – о проблемах, с которыми из-за пандемии в 2020 году столкнулись общество, власть, наука, граждане страны.

Представляет несомненный интерес и дискуссия по докладам, также нашедшая отражение в этом сборнике.

УДК 3(100)(066)

ББК 6/8(0)я431

Охраняется в соответствии с международным правом и российским законодательством об авторском праве.

ISBN 978-5-6047557-6-1

© Тосунян Г.А., составление, 2022

**СОСТАВ НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНОГО
СОВЕТА ПО ПРАВОВЫМ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
ПРОБЛЕМАМ ОБЩЕСТВА (НКС ППСЭПО)
ООН РАН**

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ:

**ГУСЕЙНОВ
АБДУСАЛАМ
АБДУЛКЕРИМОВИЧ**

ак., д.филос.н., научный руководи-
тель Института философии РАН

**КОКОШИН
АНДРЕЙ
АФАНАСЬЕВИЧ**

ак., д.и.н., директор Центра
перспективных исследований
национальной безопасности России
Экспертного института НИУ ВШЭ

**ТОСУНЯН
ГАРЕГИН
АШОТОВИЧ**

ак., д.ю.н., президент
Ассоциации российских банков

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

**РЕДЬКО
НИКОЛАЙ
ВИТАЛЬЕВИЧ**

к.э.н., эксперт Национального
исследовательского института
Доверия, Достоинства и Права

ЧЛЕНЫ НАУЧНОГО СОВЕТА:

АВETИCЯH
APYТЮH
ИШХАHОВИЧ

ак., д.ф.-м.н., директор Института
системного программирования
им. В.П. Иванникова РАН

АГАНБЕГЯH
АБЕЛ
ГЕЗЕВИЧ

ак., д.э.н., профессор, заведующий
кафедрой экономической теории и
политики РАНХиГС при
Президенте РФ

АПОЛИХИH
ОЛЕГ
ИВАНОВИЧ

ч.-к., д.м.н., директор НИИ урологии
и интервенционной радиологии им.
Н.А. Лопаткина (филиал ФГБУ
«НМИЦ радиологии» Минздрава
России)

АУЗАН
АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д.э.н., декан экономического
факультета МГУ им.
М.В. Ломоносова

БАТУРИH
ЮРИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

чл.-к., д.ю.н., главный научный
сотрудник отдела методологических
и междисциплинарных проблем
развития науки Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН

**БУЗНИК
ВЯЧЕСЛАВ
МИХАЙЛОВИЧ**

ак., д.х.н., заместитель академика-секретаря ОХНМ РАН, начальник лаборатории Всероссийского НИИ авиационных материалов

**ГОРШКОВ
МИХАИЛ
КОНСТАНТИНОВИЧ**

ак., д.филос.н., директор Института социологии ФНИСЦ РАН

**ГРАЧЕВА
ЕЛЕНА
ЮРЬЕВНА**

д.ю.н., профессор, первый проректор ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина» (МГЮА)

**ГРИНБЕРГ
РУСЛАН
СЕМЕНОВИЧ**

чл.-к., д.э.н., научный руководитель Института экономики РАН

**ДАНИЛОВ-
ДАНИЛЬЯН
АНТОН
ВИКТОРОВИЧ**

к.э.н., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Деловая Россия»

**ЖУРАВЛЕВ
АНАТОЛИЙ
ЛАКТИОНОВИЧ**

ак., д.п.н., научный руководитель Института психологии РАН

ИВАНОВ
ВИЛЕН
НИКОЛАЕВИЧ

чл.-к., д.филос.н., главный научный
сотрудник Института социально-
политических исследований
ФНИСЦ РАН

КАСАВИН
ИЛЬЯ
ТЕОДОРОВИЧ

чл.-к., д.филос.н., руководитель
сектора социальной эпистемологии
Института философии РАН

КЛЕПАЧ
АНДРЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ

к.э.н., главный экономист ВЭБ.РФ

ЛЕКТОРСКИЙ
ВЛАДИСЛАВ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

ак., д.филос.н., главный научный
сотрудник Института философии
РАН

МЕДВЕДЕВ
ПАВЕЛ
АЛЕКСЕЕВИЧ

д.э.н., профессор

МИРКИН
ЯКОВ
МОИСЕЕВИЧ

д.э.н., руководитель отдела
международных рынков капитала
Национального исследовательского
института мировой экономики и
международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН

**НЕСТИК
ТИМОФЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ**

д.п.н., профессор РАН, зав.
лабораторией социальной и
экономической психологии
Института психологии РАН

**НИГМАТУЛИН
РОБЕРТ
ИСКАНДРОВИЧ**

ак., д.ф.-м.н., научный руководитель
Института океанологии им. П.П.
Ширшова РАН

**ПЕТРЕНКО
ВИКТОР
ФЕДОРОВИЧ**

чл.-к., д.п.н., заведующий
лабораторией психологии общения
факультета психологии МГУ
им. М.В. Ломоносова

**САВЕНКОВ
АЛЕКСАНДР
НИКОЛАЕВИЧ**

чл.-к., д.ю.н., директор Института
государства и права РАН

**САННИКОВА
ЛАРИСА
ВЛАДИМИРОВНА**

д.ю.н., профессор РАН,
руководитель Центра правовых
исследований цифровых технологий
Государственного академического
университета гуманитарных наук

**САРКИСЯН
ТИГРАН
СУРЕНОВИЧ**

к.э.н., заместитель председателя
правления Евразийского банка
развития

СМИРНОВ
АНДРЕЙ
ВАДИМОВИЧ

ак., д.филос.н., директор Института
философии РАН

СОЛОДКОВ
ВАСИЛИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

к.э.н., директор Банковского
института НИУ ВШЭ

ТИХОМИРОВ
ЮРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д.ю.н., заместитель заведующего
Цentra публично-правовых
исследований Института законода-
тельства и сравнительного право-
ведения при Правительстве России

ТОРШИН
АЛЕКСАНДР
ПОРФИРЬЕВИЧ

к.ю.н., действительный
государственный советник
Российской Федерации I класса

ТОЩЕНКО
ЖАН
ТЕРЕНТЬЕВИЧ

чл.-к., д.филос.н., профессор,
главный научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ
РАН

УГРЮМОВ
МИХАИЛ
ВЕНИАМИНОВИЧ

ак., д.б.н., зав. лабораторией
нервных и нейроэндокринных
регуляций Института биологичес-
кого развития им. Н.К. Кольцова
РАН

УШАКОВ
ДМИТРИЙ
ВИКТОРОВИЧ

ак., д.п.н., директор Института
психологии РАН

ХАБРИЕВА
ТАЛИЯ
ЯРУЛЛОВНА

ак., д.ю.н., директор Института
законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве
России

ЧЕРЕШНЕВ
ВАЛЕРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

ак., д.м.н., научный руководитель
Института иммунологии и
физиологии Уральского отделения
РАН

ЧЕХОНИН
ВЛАДИМИР
ПАВЛОВИЧ

ак., д.м.н., вице-президент РАН,
заведующий кафедрой медицинских
нанотехнологий медико-
биологического факультета
Российского государственного
медицинского университета им.
Н.И. Пирогова

ЭКМАЛЯН
АШОТ
МАМИКОНОВИЧ

д.филос.н., профессор

ЮРЕВИЧ
АНДРЕЙ
ВЛАДИСЛАВОВИЧ

чл.-к., д.п.н., заместитель директора
по научной работе Института
психологии РАН

СОДЕРЖАНИЕ

**Состав НКС по правовым, психологическим
и социально-экономическим проблемам общества 3**

**Справка о НКС ООН РАН, о НИИ ДДиП, о Рабочем
завтраке у Тосуняна, о проекте «Открытые
дискуссии Президента АРБ» и об этом издании 12**

ПРЕДИСЛОВИЕ..... 16

ак. АВETИCЯН А.И..... 22

к.э.н. САРКИCЯН Т.С. 32

чл.-к. КАСАВИН И.Т. 34

к.э.н. ЧИТИПАХОВЯН П.С. 37

ак. СЕРГЕЕВ А.М. 39

ЯН Д.М. 42

ОСТИ И.В. 43

СКРИВАНОВ Д.С. 46

чл.-к. КАСАВИН И.Т. 49

ак. АГАНБЕГЯН А.Г..... 51

ак. УШАКОВ Д.В..... 66

ОСТИ И.В. 74

чл.-к. КАСАВИН И.Т. 77

проф. РАН, д.п.н. НЕСТИК Т.А.	79
ак. УШАКОВ Д.В.	82
СОЛОПОВ Д.А.	84
проф. РАН, д.ф.-м.н. ОГАНОВ А.Р.	88
ак. ТОСУНЯН Г.А.	94
Чл.-к. КАСАВИН И.Т.....	98
к.т.н. СИНЕЛЬНИКОВ А.М.	115
ак. ТОСУНЯН Г.А.	117
чл.-к. КАСАВИН И.Т.	118
ак. АВЕТИСЯН А.И.	120
к.т.н. СИНЕЛЬНИКОВ А.М.	121
к.э.н. САРКИСЯН Т.С.	126
ак. АГАНБЕГЯН А.Г.	128
ак. ТОСУНЯН Г.А.	146
ВОЛКОВ М.В.....	147
ак. ТОСУНЯН Г.А.	163
чл.-к. КАСАВИН И.Т.	164
ВОЛКОВ М.В.	165
к.э.н. САРКИСЯН Т.С.	166
ак. ГУСЕЙНОВ А.А.	168
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	171

Справка

О НКС ООН РАН (Научно-консультативном совете по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук),
О НИИ ДДиП (Национальном исследовательском институте Доверия, Достоинства и Права),
О Рабочем завтраке у Тосуняна,
о проекте «Открытые дискуссии Президента АРБ»
и об этом издании

1. НКС ООН РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы.

Заседания Совета проводились в Отделении общественных наук РАН два раза в год.

В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы:

«В каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?»

И в сентябре 2021 года постановлением Президиума РАН Совет был преобразован в Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества ООН РАН.

Сопредседателями Совета стали академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

2. С середины 90-х годов по субботам раз в две-три недели проходят рабочие завтраки представителей Ассоциации российских банков (АРБ), в которых

принимали и принимают участие банкиры, представители ЦБ, Госдумы, Совета Федерации, различных ведомств, академической науки, вузов, эксперты по финансово-банковскому профилю.

Каждый рабочий завтрак проходит по заранее согласованной повестке дня и с заявленными докладчиками.

На них до недавнего времени обсуждались преимущественно проблемы экономики, финансовой сферы, нормативно-правовые акты, регулирующие эту сферу. Но в ряде случаев и другие вопросы развития общества.

В последние годы спектр вопросов, рассматриваемых на рабочих завтраках, и круг экспертов заметно расширились.

Этому во многом способствовало участие в них известных ученых.

Характерной особенностью этих рабочих завтраков было и остается то, что они проходят с завидной регулярностью по субботам в 9.00 утра и зимой, и летом, и даже 31 декабря. Их продолжительность примерно 3–4 часа.

3. В конце 2019 года был учрежден Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права (НИИ ДДиП).

Это частный институт, целью которого, если вкратце, является многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия и достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.

Иначе говоря, институт пригласил на общественных началах работать на его площадке всех, кто желает внести свою лепту в изменение **траектории движения общества «войны всех против всех» в сторону общества «доверия, достоинства и уважения друг к другу»!**

4. В конце марта 2020 года был объявлен локдаун.

Встал вопрос: заморозить на какое-то время работу НКС ООН, НИИ ДДиП, АРБ и рабочие завтраки?

Или искать какое-то другое решение?

Тогда же возникла идея, что заседания НКС ООН, НИИ ДДиП и рабочие завтраки можно объединить, используя онлайн-формат.

Проанализировав практику последних лет, мы с коллегами пришли к выводу, что довольно часто и на заседаниях НКС, и на рабочих завтраках, и на заседаниях Института мы поднимаем и обсуждаем схожие вопросы.

Было принято решение начать проводить совместные заседания.

За прошедшее с апреля 2020 года время было проведено около 50 рабочих завтраков у Тосуняна, из которых более 10 прошло в очно-заочной форме.

Примерно 20 человек лично присутствовали на завтраках, а остальные, от 50 до 100 участников, принимали участие в режиме Zoom, видя, слыша «живых» участников и докладчиков и сами участвуя в дискуссии.

В последующем по видеозаписи каждое заседание стенографировалось с тем, чтобы можно было издать материалы этих дискуссий.

В настоящее время накопился огромный объем материала для публикации.

5. С 2013 года Ассоциация российских банков ведет проект «Открытые дискуссии президента АРБ».

Проект направлен на обсуждение широкого круга экономических, правовых, философских, социально-психологических и других актуальных проблем развития нашего общества и на развитие культуры дискуссии в целом.

Спикерами «Открытых дискуссий...» выступают известные ученые, общественные деятели и представители бизнеса.

Вузами-партнерами проекта являются **более 80 российских вузов**, расположенных на территории всей России – от Владивостока до Калининграда.

Как правило, в каждой дискуссии дистанционно участвуют от 40 до 60 вузов. Численность интернет-аудитории «Открытой дискуссии...» в среднем составляет **около 2 тыс. человек**.

Обычно проводится одна «Открытая дискуссия...» в месяц.

За 9 лет состоялось 65 дискуссий.

С информацией о прошедших дискуссиях, презентационными материалами спикеров и видеозаписями можно ознакомиться на сайте arb.ru в разделе «Открытые дискуссии...».

Г.А. ТОСУНЯН, академик РАН,
президент Ассоциации российских банков

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приветствую всех, кто уже подключился и постепенно присоединяется к нам.

К нам скоро подключится также Президент РАН Александр Михайлович Сергеев.

Коллеги, начинаем, как всегда, ровно в 9.00.

Вчера Абел Гезевич в нашем с ним вечернем диалоге сетовал на то, как коронавирус возмутительным образом влияет на нашу повседневную жизнь.

Он признался, что уже шесть недель не пил ничего, даже пива. Просто возмутительные какие происходят изменения в нашей жизни.

Наш рабочий завтрак насчитывает более чем 20-летнюю историю. Думаю, ни для кого это не новость.

Но сейчас пошел новый отсчет времени, в дистанционном режиме мы его проводим всего 2-й раз.

Чем хорош этот формат?

У нас и в нормальном режиме нет президиумов, но в данном формате нет еще и тесноты за столом.

Сегодняшняя тема, которая предлагается для обсуждения, она междисциплинарная и с серьезным философским уклоном: «Анализируя сегодня, говорим и думаем о будущем».

У всех, я надеюсь, есть разосланная повестка дня.

Хочу поблагодарить своих коллег, которые согласились выступить содокладчиками. Я представлю всех:

Аветисян Арутюн Ишханович, академик РАН, директор Института системного программирования РАН.

Аганбегян Абел Гезевич, академик РАН, завкафедрой экономической теории и политики РАНХиГС.

Волков Михаил Владимирович, руководитель «Прио-Внешторгбанка», г. Рязань, и член Совета АРБ.

Касавин Илья Теодорович, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института философии РАН.

Ушаков Дмитрий Викторович, директор Института психологии РАН.

Хочу сказать, что каждый докладчик под своим углом зрения раскроет тот клубок проблем, с которым неожиданно столкнулось наше общество, наша власть, наша наука, каждый из нас, каждый из граждан.

В этих неординарных условиях нарастающей, с одной стороны, пандемии, с другой стороны, нефтяного, валютного кризиса и в целом неизбежного экономического кризиса, я думаю, это очевидно, что нас ждут непростые времена.

Но любопытно, что говорить о масштабах кризиса всерьез пока мы не можем.

Ни в нашей стране никто, наверное, не возьмет на себя смелость, ни в мире, поскольку оценивать его можно начать только после того, как мы все-таки пройдем пик эпидемии и увидим какой-то свет в конце тоннеля.

Потом начнем уже анализировать, подводить экономические результаты, хотя сейчас тоже никому не запрещено, конечно, прогнозировать.

В приглашениях, которые, надеюсь, все получили, есть примерный перечень вопросов, экспромтом набросанный, на которые хотелось бы обратить внимание докладчиков, участников дискуссии.

Но сразу хочу подчеркнуть, что это всего-навсего открытый перечень вопросов, никого ни к чему не обязывающий.

Совсем необязательно все их затронуть или, наоборот, только ими ограничиться.

Завтрак имеет свой регламент, и мы стараемся по мере сил соблюдать его без какого-то излишнего фанатизма.

Для тех, кто первый раз участвует в рабочем завтраке, я сразу говорю, что он всегда проходит в дружеском, свободном, демократичном формате, поэтому каких-то жестких регламентов, требований нет.

Регламент предполагает, что каждый из содокладчиков выступит по 15–20 минут.

И примерно столько же времени отводится для ответов на вопросы.

Когда выступят все содокладчики, начнется общее обсуждение каждого из аспектов сформулированной темы в любой последовательности.

Регламент завтрака также предполагает, что мы отметим каждого, кто первый раз участвует в нашем завтраке, имею в виду, что мы, соответственно, поднимем бокал за его здоровье и за докладчиков.

Регламент завтрака также предполагает, что мы, переходя к повестке дня, сначала поприветствуем друг друга: «С добрым утром». Такая традиция сложилась.

Я займу буквально несколько минут на короткую справку о прошедших событиях за время с предыдущей нашей встречи.

Кто сочтет необходимым, дополнит меня.

Что можно отметить?

1. Мы с Саудовской Аравией и с другими коллегами и странами вроде как основные противоречия сумели снять по добыче нефти, соответствующие квоты установили.

Детали, я думаю, если кого-то интересует, прокомментируют докладчики, дадут свой анализ, но это в процессе нашей дискуссии.

2. Наши власти накопили фонды национального благосостояния, по имеющимся данным, 8 трлн рублей.

Если брать ликвидные активы «расширенного» правительства, имею в виду федеральные власти, регионы и внебюджетные фонды, то это почти 18 трлн рублей, более 16% ВВП.

Эксперты оценивают необходимые объемы поддержки экономики в целом в мире на уровне 5% ВВП.

3. Вступил в силу закон 106 «О кредитных каникулах», он вызывает много эмоций и обсуждений в прессе.

4. АРБ предложила изменить сроки и порядок уплаты налога на прибыль кредитными организациями.

Также АРБ поставила вопрос о необходимости отсрочить налог на доходы по вкладам хотя бы на 2–3 года, который был принят в самое неудачное время.

У людей очень большое раздражение на эту поправку.

5. Банк России утвердил дополнительные меры по защите интересов граждан, поддержке кредитования экономики и временному смягчению ПОД/ФТ и валютного контроля.

У нас присутствует Короткий Юрий Федорович зам.руководителя Росфинмониторинга, я думаю, что ни

Росфинмониторинг, ни участники рынка не будут против, наоборот, поддержат ЦБ в этом.

6. По части некоторых ключевых ставок и инфляции.

Наш «собрат» по БРИКС – Южная Африка, снизил ключевую ставку до 4,25%, и теперь там реальная ставка ключевая минус инфляция стала отрицательной.

Только Россия и Мексика (из крупных стран) остаются странами самой большой реальной ставки.

У нас +3,5%. Фактически из 3 десятков 8 или 7 стран имеют положительную ставку.

У всех она отрицательная либо близка к 0. Это мы уже неоднократно обсуждали.

7. 25 банков подключаются к программе беспроцентных кредитов на выплату зарплаты всем предприятиям из наиболее пострадавших.

Сейчас участвует 5 банков, но было и наше обращение.

Очевидно было, что монополия на этом рынке совсем не уместна, тем более что 75% таких кредитов будет обеспечено гарантиями госкорпорации ВЭБ. И то возникают трудности.

8. Министр Решетников и Борис Титов, омбудсмен, проводили контрольные закупки, и, оказывается, довольно сложно получить соответствующую поддержку.

Нам Михаил Владимирович Волков, наверное, расскажет об этом.

9. По коронавирусу у всех есть свои данные.

Я не буду перечислять, уже за 2 млн случаев мы перешагнули.

Ущерб, предполагается, составит более 5 трлн долларов в течение 2 лет. Масштабы – 6% мирового ВВП.

По данным МВФ, 100 млрд за 2 месяца утекло капитала из стран с развивающихся рынков.

G20 выделяет 20 млрд на помощь уязвимым странам, IRS 2,3 трлн, кажется, помощь выделила, но это не все, еще дополнительные есть программы.

Европейский союз запустит план поддержки экономики на 0,5 трлн в течение 2 недель.

И будут выделяться на поддержку занятости 100 млрд, 200 млрд евро – на поддержку бизнеса, 240 млрд – на защиту от дефолта отдельных стран Евросоюза.

10. В Японии увеличили выпуск госбумаг для поддержки экономики.

И правительство Италии выделило 400 млрд на поддержку малого и среднего бизнеса, огромная для Италии сумма, тем не менее.

Вот, собственно говоря, короткая справка.

Понятно, что она, наверное, охватывает не все и не самые главные моменты, но, если кто-то хочет добавить, пожалуйста.

У нас уже подключились 46 участников, и мы вполне можем переходить к основной повестке дня.

Поэтому, пожалуйста, коллеги, хочет кто-то добавить еще к повестке, к справке что-то? Нет.

Тогда переходим к докладам!

Г.А.ТОСУНЯН

Доклад I

АВETИCЯH A.И.

ак. РАН, д.ф.-м.н., директор Института системного программирования им. В.П. Иванникова РАН

ВЫЗОВЫ ГИПЕРУСКОРЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА. ВОЗМОЖНА ЛИ АДАПТАЦИЯ БЕЗ ПОТЕРЬ?

Благодарю, коллеги, за возможность выступить. Попробую о нашем времени рассказать с технологической точки зрения.

Последнее десятилетие наш Институт системного программирования активно занимается анализом social media.

Мы являемся также центром компетенций по кибербезопасности, в том числе Федеральной службы по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России), и занимаемся разработками на международном уровне, которые внедряем в таких компаниях, как Samsung и другие.

Хотел с этой точки зрения дать комментарии к стресс-тесту, который мы называем сейчас пандемией.

Мы в частной беседе со многими из вас говорили о том, что надвигается кризис в целом, даже не в контексте пандемии.

Это некий уникальный стресс-тест, который был многими предсказан, но никто не мог представить, в каком виде он будет происходить.

Очень высокая скорость распространения как следствие пресловутой глобализации, потому что

подобного рода пандемии случались много раз, но в таком масштабе – впервые.

Реально достаточно много людей, которые погибли. Меры противодействия очевидны: самоизоляция и так далее.

Тут возникает баланс между privacy (неприкосновенностью частной жизни) и нашей безопасностью; мы, по сути, жертвуем privacy ради безопасности.

Все перешли на удаленную работу, конечно, кто это мог сделать физически.

А в чем причина всей этой ситуации?

Если начнете разбираться, выяснится, что нет уже границ между природным явлением и намеренной атакой, даже просто случайной потерей контроля над разработкой какой-нибудь лаборатории.

Это тот мир, в котором мы сейчас живем.

Параллельно с глобализацией процессы, которые происходят, приводят к тому, что одновременно идет еще и борьба в информационном поле, что тоже существенно усугубляет проблему и, может быть, ужесточает больше, чем нужно, меры борьбы с этим явлением.

Перейдя на удаленную работу, мы все начали пользоваться Zoom, другими технологиями.

Я вообще не хотел бы концентрироваться на этом долго, хотя это один из вопросов, который мы собирались обсуждать.

Дело в том, что, в принципе, в IT достаточно ресурсов для того, чтобы проводить удаленно образовательные процессы, разработки совместные – это уже давно внедряется.

Но даже для IT это не сегодняшний день; несколько лет назад HR у себя пыталась полностью переводить, насколько это возможно, сотрудников на «удаленку».

И выяснилось, что это очень плохо работает в долгосрочной перспективе, потому что не учитывает возникающие психологические проблемы.

То есть командная работа – это совершенно другой сценарий.

Да, фрилансеры, «удаленка» – это прекрасно, но нельзя полностью всех перевести, потому что теряются некоторые связи, которые невозможно восполнить, поскольку мы все-таки люди.

И с этим мы тоже должны считаться.

Если говорить про безопасность локальную, то при использовании Zoom, например, всё, что мы говорим, так или иначе записывается.

Даже более того: всё может анализироваться современными технологиями, и то, что нужно, может передаваться аналитикам на анализ.

В этом смысле говорить о глобальной безопасности не приходится, но в целом можно констатировать, что при желании можно развернуть безопасное решение во внутрикорпоративном сегменте.

Собственно говоря, мы это и сделали.

И для образования пользуемся Zoom, а для разговоров внутри у нас есть свое закрытое внутреннее решение на базе свободного программного обеспечения.

Там мы можем вести переговоры в менее, может быть, удобном формате, но вполне рабочем и дееспособном.

Таков мир, в котором мы живем.

Институт с середины марта был переведен фактически на удаленный режим, но некоторая часть сотрудников приходит, когда нужно, кого-то вызываем.

Для IT-инфраструктуры, для института нашего, людей, которые занимаются IT, это не является глобальной проблемой.

Но даже нам очевидно, что уже несколько месяцев такой жизни могут начать приводить к определенным проблемам.

Я сегодня хотел сказать немного о другом.

Если говорить о перспективе, этот прекрасный новый мир, который был предсказан еще в середине XX века О. Хаксли, конечно, следствие гиперускорения научно-технического прогресса, которое особенно активно происходило последние 10–15 лет.

И нам рисуется картина, что впереди нас ждет дополненная реальность.

Это уже используется в обучении, в промышленности, даже в реальной работе.

Биоинженерия, генетические истории, продовольственные программы, генно-модифицированные, устойчивые к разным климатическим или другим воздействиям продукты.

3D-принтинг, когда вам кроссовки могут напечатать в соседнем здании, или не только кроссовки, но уже и мебель дома печатают.

Геймификация, когда технология адаптации, игровые методы используются, например, для того, чтобы более эффективным был искусственный интеллект.

Это всё прямо сейчас начинает внедряться.

Казалось бы, если всё это внедрить, то и «удаленка» будет упрощенная, и при использовании тех же ресурсов

существенно улучшится жизнь, потому что больше станет свободного времени, творчества и так далее.

То есть этот мир прекрасный настолько хорош, что совсем туда захочется погрузиться, и будет хорошо.

Но на этом фоне хочу отметить следующее.

Вот пример с блокчейном.

Явно такой глобальный стресс-тест еще один.

Там декларировалась прозрачность, анонимность, но выяснилось, что это технологии, которые невозможно внедрить, потому что их фактически нет.

Этот прекрасный мир где-то там впереди.

Я помню, как шутили раньше, что коммунизм не за горами, а в дороге кормить никто не обещал.

Вот мы сейчас в дороге, а этот прекрасный мир где-то в будущем.

Все технологии, которые уже потенциально вокруг нас есть, они все фактически с колес, в сыром виде внедряются в жизнь.

Чтобы какими-то цифрами обозначить, что такое скорость развития, приведу следующие данные.

Буквально за короткое время мы удвоили объем информации.

В 2012 году Google фактически сказал о том, что этот объем вообще удваивается каждые 2 дня.

Это всё время продолжается.

Кроме того, существенно усложняется та IT-инфраструктура, которая обслуживает и реализует всё это вокруг нас.

Объемы программного обеспечения – это сотни миллионов, миллиарды строк кода.

И это тоже гиперускорение развития.

Социальные сети, которые нас окружают, или social media, позволили совершенно по-другому влиять на всех

нас, на сознание общества в целом и конкретного индивидуума.

Хорошо известны выборы в США или во Франции (не буду говорить о более драматических случаях).

Я не говорю о том, есть ли чья-то воля в том, что это происходит.

Будем считать, что это естественные процессы.

Главное – то, что появились эти возможности, и процессы происходят совершенно не так, как обычно ожидается.

Люди могут мобилизоваться неожиданно и, даже сами того не понимая иногда, вовлекаться в какие-то процессы.

Происходит это мгновенно.

Появились термины типа «клиповое мышление» и тому подобное.

Пытаются разными словами назвать этот феномен, но это то, что произошло с нами буквально в последнее десятилетие.

С другой стороны, вся эта инфраструктура, материальный мир стали существенно уязвимыми из-за того, что везде ИТ, а ИТ само по себе уязвимо. (Почему – это тема отдельного доклада.)

И никакими стандартными методами навесной защиты, антивирусами эту проблему решить невозможно.

Это хорошо известно.

По сути, всё время идет речь о том, чтобы поднять уровень этой безопасности, не более того.

Мы пришли к системному кризису.

Причем этот кризис, если брать в контексте сегодняшнего дня, касается, конечно, общественного здоровья; новые вирусы (так пока их назовем), глобальная транспортная доступность и производственные цепочки приводят к его супербыстрому распространению.

Под угрозой психологическое здоровье как отдельного человека, так и социума в целом, потому что средства манипулирования сознанием катастрофически быстро развиваются и находятся в неуправляемом состоянии.

Мы напоминаем ребенка, у которого в руках всё более и более мощное оружие, который даже не понимает, что он играет не с игрушечным пистолетом, а у него в руках уже настоящее оружие.

Это даже не пистолет, а более простое в использовании средство.

Всем хорошо известно, когда целые регионы отключаются от электричества или происходят какие-то проблемы: спутник потеряли из-за ошибки в программном обеспечении...

Термин «цифровая экономика» хотя и не определен юридически, но все-таки интуитивно понятно, что всё вокруг становится ИТ.

Причем хочу обратить внимание на то, что мы только входим в этот процесс.

Это только начало.

Цунами еще не пришло.

Мы видим первые простые волны.

Это очень важно, потому что сейчас у нас нет моделей поведения в этой ситуации.

У нас пока что мышление средневековое, мы думаем, что построим крепость и сможем отгородиться и как-то защититься.

А это невозможно, потому что вызовы слишком глобальны и комплексны.

Это не просто проблема одной отрасли, например банковской сферы: можно залить деньгами, еще что-то сделать...

Всё это комплексно и одновременно всё происходит.

Вот что очень важно.

Конечно, методы решения более-менее известны, более того, постоянно используются.

Хотя мы иногда думаем, что это где-то в будущем, но попытки замедлить технологическое развитие всегда были в истории.

В последние годы я это видел воочию, даже общался с некоторыми специалистами из разных стран.

Когда обращаются к морально-этическим нормам, то возникают суждения: как же так, внедрение искусственного интеллекта, машина может кого-то задавить, кто за это будет отвечать?

И поэтому не надо внедрять.

Еще 10 лет назад такие вопросы никого не волновали, внедряли технологии куда угодно.

Сейчас почему-то это начало людей очень сильно беспокоить.

Начали пытаться притормозить.

Либо идут на ужесточение контроля.

Например, через камеры, которые штрафы выписывают пока только автомобилистам, но скоро, возможно, будут и пешеходам в таком же режиме.

Мы видели, как в Лондоне после взрыва в метро буквально через несколько часов было определено, как злоумышленник вышел из дома, куда шел, как было всё реализовано.

Конечно, не хотелось бы, чтобы мы пошли по такому сценарию уж слишком далеко, потому что следующие шаги – это чипирование, тотальный контроль.

Самое главное: боюсь, что люди на это будут соглашаться в силу того, что безопасность, жизнь дороже.

Если просто интерполировать этот процесс, сказать, что в мире других проблем нет, все проблемы лежат в чисто технологической плоскости – надо сделать более

безопасное IT, более безопасный мир вокруг нас, то такими способами, отдавая проблему на 5, 10, 15 лет, в принципе, можно было бы найти компромиссы и как-то ее решить.

Для молодых ребят, специалистов в сфере IT, которые меня окружают, казалось бы, это тот мир, в котором они живут, но даже для них это является далеко не тривиальным – адаптироваться к тем изменениям, которые происходят.

Непонятно, может, мы уже прошли точку невозврата. Возможно, мы на перепутье или к нему подходим и у нас есть еще 10–15 лет.

Я очень надеюсь, что, пройдя несколько таких стресс-тестов, мы сможем все-таки найти решение.

И это решение, конечно, не может быть только в технологической плоскости, не может быть без глубокой научной проработки этих вопросов, которая должна базироваться на морально-этических принципах, потому что мы действительно пришли к тому, что технологии начали менять сознание, менять нечто такое, на что мы даже не рассчитывали.

Очевидно, что это глобальные вызовы; соответственно, нужно глобальное сотрудничество.

Один из способов сдержать давление гиперскорости – регионализация.

Сейчас к ней мы, наверное, идем, что даст фору еще в несколько лет.

Это не стратегическое решение, а скорее тактическое, временное решение, после чего будут более сложные проблемы.

Одна из проблем в том, что мы уже не справляемся с социальной инженерией.

По сути, делаются эксперименты прямо на живых людях.

Одно дело, если бы это происходило хотя бы в масштабах поколения – как в XX веке.

Каждое новое поколение жило в каком-то новом мире. Но сейчас всё происходит внутри одного поколения.

Каждый из нас может сказать, что в течение его жизни несколько раз быстро что-то вокруг менялось.

Даже ввели такую мантру, все говорят: «Человек должен учиться всю жизнь».

А что, 100 лет назад он не должен был учиться всю жизнь?

У нас слово «адаптироваться» заменили на слово «учиться».

Учиться – это совсем другое.

Иное дело, когда человек должен всё время адаптироваться к новым условиям, но он не в состоянии это сделать чисто психологически.

Где граница вот этой истории?

Неизвестно.

Это всё требует глубокой проработки.

Тут и медицина, и философия, и психология.

Сегодня здесь будем слушать доклады, и я надеюсь, что какие-то вопросы могут быть решены.

Самое главное, что это должно быть комплексно, междисциплинарно и, безусловно, с участием специалистов в области IT.

В связи с этим у нас в ближайшие десятилетия, а может быть, и столетие работа будет.

Я в этом не сомневаюсь, в этом смысле я оптимист. Надеюсь, что все-таки пойдем по пути, когда стресс-тесты будем проходить, но не скатимся к каким-то глобальным катаклизмам, хотя с каждым годом шансов на это всё меньше.

Вот такой мир.

САРКИСЯН Т.С.

к.э.н., заместитель председателя правления Евразийского
банка развития

Я записал основные тезисы Арутюна Ишхановича.

Мой вопрос следующий.

Вы сделали акцент только на проблемах, но у Вас, я так понял, нет никаких рекомендаций, как выходить из этой ситуации.

Правильно я понял?

Аветисян А.И.: И да, и нет.

Дело в том, что вообще технологическая сфера уже больше 10 лет устроена таким образом, что прогнозирование ее развития больше чем на несколько лет никому не удастся.

Можно как научный фантаст предсказывать, что будет более или менее в тренде через 20 лет, но что будет технологически через несколько лет – непонятно.

Например, мы говорим сейчас, что будет 3D-принтинг дома где-нибудь, но может выясниться, что экономически более целесообразно нечто другое.

Поэтому рекомендация была очень простой.

Мы должны сейчас, в том числе законодательно, ввести более высокие требования к разрабатываемым системам с точки зрения безопасности, тем самым естественным образом притормозить гиперускорение, которое на самом деле сейчас происходит благодаря тому, что во главе угла стоит только экономическая целесообразность и не учитывается весь комплекс проблем.

Нужно решить хотя бы проблему безопасности, а там есть и другие вопросы. С технологической точки зрения это будет уже достаточно интересная история, потому что сейчас даже внутри нашей страны пишутся огромные

программы, и я вижу, как только во главу угла ставится безопасность, выясняется, что расходы на создание таких систем значительно выше, они оказываются не конкурентоспособными на рынке, если говорить с точки зрения рыночной экономики.

Необходимо государственное регулирование, общественное, всё-таки наша общая безопасность тоже стоит каких-то ресурсов.

Пандемия показала, что это так. Мне кажется, что это один из путей.

А всё вместе – нужно говорить и с другими специалистами, и экономисты должны к этому подключиться.

Я говорю только с точки зрения технологической, как человек, который этим занимается.

Саркисян Т.С.: Спасибо. Второй вопрос: а возможно ли это торможение?

Аветисян А.И.: Инерция очень большая, остановить это точно невозможно в принципе.

Поэтому я и говорю, что через регионализацию может произойти торможение; другими методами тоже, если не технологическими.

Но в целом, конечно, возможно.

Такие исторические прецеденты были.

Более того, последние 5–7 лет видно, что это происходит на самом деле и в медицине, и даже в IT, когда некоторые технологии не внедряются по разным причинам, в том числе морально-этическим.

Думаю, что если это будет общее глобальное соглашение, то возможно.

КАСАВИН И.Т.

чл.-к. РАН, д.филос.н., руководитель Сектора социальной эпистемологии Института философии РАН

Добрый день, уважаемые коллеги.

Мне очень понравился доклад Арутюна Ишхановича.

Он очень удачно балансирует между общетеоретическими и прикладными проблемами, между технооптимизмом и технопессимизмом и является для меня удачным источником для осмысления.

Вместе с тем у меня возникла мысль, которой я хотел поделиться в форме вопроса.

Как Вам кажется, не перегибаем ли мы немного палку, не чересчур ли проблематизируем ситуацию, когда говорим о такой неожиданности в нашей сегодняшней жизни, то есть о непознаваемости наличной современности сегодня?

Разве Ваш очень хороший тезис по поводу того, что мы не можем справиться с теми технологиями, которые у нас есть, не можем использовать их по назначению или достаточно эффективно, или достаточно безопасно, не относится вообще к эпохе начиная с XV века?

Всё время изобретения технологий происходили кумулятивно, постепенно.

Они были относительно независимы даже от экономического развития и, напротив, это развитие двигали.

Когда в XV веке стали использовать для осады крепостей артиллерию или для сражений с рыцарями пищади, то это же был шок, не знали, что с этим делать.

Это продлилось 100–150 лет, никак не могли адаптироваться к чрезвычайной эффективности технологий.

И таких примеров очень много, когда изобретаются технологии, а люди не знают, что с ними делать, как с ними

обращаться; то есть общество не знает, как справиться с технологиями.

В этом смысле это, что называется, штатная ситуация.

Не помешало ли нам посмотреть на уроки прошлого в этом отношении, может быть, они нам кое-что подскажут?

Аветисян А.И.: Спасибо.

Я могу это прокомментировать.

На самом деле не случайно у меня появилась эта средневековая крепость.

Вы действительно правы, это постоянный вызов.

Но в чём проблема сегодняшнего дня?

В том, что мы постепенно входим в мир, где сами технологии становятся сверхсложными.

Например, что такое современный искусственный интеллект?

Это машинное обучение, модели, поведение которых до конца не верифицируемо.

Известно, что можно на дорожный знак нанести какую-нибудь для глаза даже невидимую субстанцию, и машина с искусственным интеллектом будет считать, что там зелёный свет, можно ехать, и совершит аварию.

И много чего другого, что уже нельзя верифицировать.

Это одна сторона вопроса.

С другой стороны, одновременно с этим возникает много других проблем, и все они сходятся в одну точку, то есть экология, народонаселение, успехи в генетике, в биологии приводят к каким-то вещам.

И возможность влияния одновременно на огромные массы населения через social media, причём мы только в это входим.

Я поэтому сказал: возможно, у нас ещё есть 10–15 лет, чтобы с этим можно было жить.

А так вы абсолютно правы, наблюдается это последние несколько сот лет.

Тосунян Г.А.: Илья Теодорович, тем не менее, Арутюн Ишханович отметил важный, ключевой момент – период адаптации.

Если раньше к технологическим новшествам поколениями адаптировались, то сейчас в рамках не то что одного поколения, а в рамках 2, 3, 10 лет мы адаптируемся к соцсетям, например, которые настолько сильное впечатление и воздействие производят.

Поэтому это аргумент очень весомый.

Касавин И.Т.: Я просто призываю понять, что социальные сети, про которые мы говорим, – это только начало.

И что уже, например, в том же Китае намного дальше пошли, когда в профайл каждого гражданина интегрирована вся его информация, включая банковские дела, когда начинается скрининг населения в рамках целой страны и так далее.

Это процесс, который непредсказуем.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Кстати, к нам Белявский Олег Викторович тоже присоединился, руководитель Российского фонда фундаментальных исследований.

Я приветствую Олега Викторовича.

Уже 52 человека. Пожалуйста, коллеги, ещё вопросы.

ЧИТИПАХОВЯН П.С.

к.э.н., член Совета директоров АКБ «Трансстройбанк»

Если можно, я хотел бы прокомментировать.

Не вопрос задать, а прокомментировать.

Удивительны для меня некоторые положения, которые были высказаны в докладе нашего уважаемого коллеги – о регионализации и торможении.

Я слышал эти тезисы в беседах с достаточно серьёзными представителями разных стран ещё около 8 лет назад.

Разговор у нас начинался с того, что я говорил о том, что происходит в каком-то смысле торможение в образовании, происходит торможение в глобализации и так далее.

Ответом было – да, это делается сознательно.

Зачем?

А разве лучше дети со спичками?

Вот такой был ответ.

Торможение, таким образом, планируется определенными структурами в связи с тем, что, как они считают, у человечества на сегодняшний день нет инструментов контроля за развитием технологий ни с политической, ни с экономической, ни с морально-этической точек зрения.

На самом деле удивительным является то, что Трамп был приведён к власти именно для этого.

Он сейчас занимается разрушением международных связей, регионализацией, в каком-то смысле будет заниматься и торможением технологическим.

Получается, я из совершенно разных областей увидел один и тот же подход.

Хорошо, что начинаем осознавать то, что происходит.

Но, с другой стороны, любого рода торможение, любого рода обмен свободы на безопасность, я не знаю, как это скажется на обществе, потому что с этим торможением можно настолько сильно перегнуть, что вообще двинуться в Средние века.

Но это моё замечание, комментарий, не более.

СЕРГЕЕВ А.М.

ак., президент РАН

Большое спасибо Арутюну за очень интересный доклад.

Давайте вот какой вопрос зададим себе: а если бы этот стресс-тест произошёл 15 лет назад прямо в таком же виде, как сейчас?

Пусть те же самые летучие мыши или там кто-то пробирку уронил.

Подумаем, как бы это развивалось в то время, когда ещё не было такой суперглобализации, не было такого развития ИТ.

Наверное, вирус не так быстро развезли бы по миру, наверное, самолёты не так часто летали тогда, в Европу китайцы меньше ездили отдыхать.

Но, с другой стороны, ведь то гиперускорение, которое произошло в ИТ, сейчас нам существенным образом позволяет, надеюсь, справляться с этой угрозой, которая возникла.

Так ведь?

В экономике, наверное, 15 лет назад вряд ли все ушли бы в дистанционку, экономика получила бы более серьёзный удар.

В плане того, что гиперускорение привело к возможности очень быстрого создания новых тест-систем, новых лекарств, обмен информации позволил существенно ускорить внедрение современных протоколов лечения, которые в одних странах появлялись и в другие распространялись.

Вообще говоря, я не уверен, что гиперускорение, которое произошло в последние 15 лет, в плане сегодняшнего стресс-теста является минусом.

Я готов предположить, что, скорее, плюсом.

Наверное, это надо будет всё-таки взвешивать после того, как мы победим коронавирус; ещё бы хотелось, чтобы поскорее вакцину разработали.

Тем не менее должно быть взвешивание того, что налицо факт этого гиперускорения, особенно в сфере IT; здесь Арутюн абсолютно прав.

Но нужно ли это искусственно замедлять или с точки зрения увеличения безопасности более эффективно контролировать?

Вот это более важный вопрос.

Я Арутюна хотел спросить: как думаете, если бы это случилось 15 лет назад, быстрее бы победили или медленнее?

Аветисян А.И.: Хороший вопрос.

Я тоже оптимист на самом деле, спасибо за вопрос.

Надеюсь, что мы пойдём по пути науки, тогда сможем управлять этим гиперускорением с пользой для всех.

Думаю, что нам было бы просто легче это переносить, потому что если сейчас что-то где-то происходит, то в любом уголке мира мы сразу всё это узнаём (в Facebook – 2,5 миллиарда человек, в Интернете в целом – еще больше).

Информационное поле тоже оказывает давление, в том числе на тех людей, которые принимают решения.

При этом мы видим разобщенность, нет единства, даже врачи не смогли объединиться, каждый пытается в своей стране получить конкурентное преимущество.

Подобные вещи тоже играют отрицательную роль. Здесь с точки зрения науки гиперускорение нужно иногда развивать.

А с точки зрения контроля, когда я говорю «замедление», то не имею в виду замедление развития технологий, а имею в виду замедление их массового внедрения вокруг.

Не понимая и внедряя, мы делаем уязвимым, например, автомобиль, в котором едем.

Случайно даже не супер-хакер, а просто какой-то парень, который всё в Интернете прочитал, может взломать нашу машину, и мы попадём в аварию; я про эту сторону говорю в первую очередь.

Мы же не можем себе позволить на атомной станции внедрить информационные технологии, которые станут уязвимыми со стороны криминала.

Вот это происходит в мировом масштабе, вот о чём идёт речь.

Когда я говорю «сдерживать» – именно это я имею в виду.

Необходимы правильные международные связи, когда все вместе решают эти задачи, а не отдельно.

Да, мы можем в отдельно взятом месте сделать себе хорошо, но всё равно через 20–30 лет это будет невозможно, всё равно кто-то должен взять на себя лидерство.

Это слишком сложная проблема, чтобы за 15–20 минут изложить.

Я с Вами согласен, Александр Михайлович, что мы сейчас отвечаем на вызовы быстрее, это совершенно точно.

Но уже сейчас видно, что побочные эффекты, которые, казалось бы, вообще не имеют никакого отношения к лечению и к борьбе, играют иногда очень существенную отрицательную роль, потому что человек дома в депрессии.

Даже у наших IT-специалистов в некоторых группах я вижу 20–30% падения продуктивности работы из-за потери личного контакта.

Всё-таки Zoom не позволяет его сохранять. Но это всего лишь менее 1% проблем.

Ян Д.М.

независимый эксперт

Можно?

15–20 лет назад эту тему мы, может быть, даже не заметили бы?

Аветисян А.И.: Вспомните, у нас был свиной грипп, был SARS и так далее.

Они его заметили, но не настолько это было мощно.

Потому что не было такой быстрой диагностики, наверное, которая есть сейчас, не только из-за IT.

Тут надо смотреть комплексно на всё.

Не исключаю, что сейчас, возможно, и специально как-то нагнетается, потому что, если возник такой стресс-тест, может быть, его нужно уже довести до какого-то состояния, чтобы проверить заодно многие системы.

Но это уже другой вопрос.

Возможности это сделать появились буквально в последние 10–15 лет.

ОСТИ И.В.

участник Экспертного совета по защите прав потребителей
финансовых услуг при Банке России

Арутюн Ишханович, спасибо большое за Ваш доклад.
Гарегин Ашотович сейчас меня поддержит.

У меня вопрос.

Вы, когда размышляли над этой проблематикой, пробовали прикинуть сценарий – не контроль, то есть сдерживание, защита (семантика, нагрузка этих слов запретительная), а именно создание условий для того, чтобы это развивалось?

Сила действия равна же силе противодействия.

Как только мы начинаем что-то сдерживать, это немедленно начинает выпирать с какого-то другого края, бока, отверстия, имеет весьма такие гротескные формы.

А если, наоборот, на опережение – потенциально опасный процесс возглавить, обеспечить условия для ритмичного развития?

Даже, может быть, провоцировать развитие опережающее, скачкообразное, может быть, микшировать в смысле сфер, но хотя это опять будет сдерживание.

Именно провокационное создание условий для того, чтобы это было даже больше, интенсивнее, чем могло бы быть по стандартной шкале.

Тосунян Г.А.:

Ирина, прежде чем Арутюн Ишханович начнёт отвечать, можно я скажу, что как раз этот подход, предвосхищая развитие негативных процессов, должна была возглавить наука.

Но, к сожалению, этот процесс возглавляют а-ля Биллы Гейтсы, имеющие несколько иные цели управления обществом.

Возглавляют отнюдь не с целью сделать что-то полезное для общества и для человечества, а каждый пытается возглавить этот процесс для того, чтобы урвать себе ещё часть материального.

Конечно, ответ за Арутюном Ишхановичем. Пожалуйста, Арутюн Ишханович.

Аветисян А.И.:

Да, Гарегин Ашотович, я согласен.

Я пытался сказать, что мы оптимизируем какой-то один параметр, как правило, а проблема становится значительно сложнее.

Почему массовое внедрение?

Потому что очевидно, что IT помогает существенно повысить продуктивность и конкурентоспособность.

И не учитывая комплексно проблемы, в ущерб безопасности, мы начинаем всё это внедрять.

Дальше, если мы хотим гарантировать, что при этом всё-таки что-то не будет происходить, единственный способ остаётся.

Это можно назвать по-разному.

Можно морковки взвешивать так, что человеку будет казаться, что это не контроль.

При этом известно, что даже наш средний бизнес, я уже не говорю о крупном, и западный бизнес анализирует профили людей.

По сути, за ними следят в такой мягкой форме, предлагая потом определенные плюшечки, чтобы человек пошёл туда, куда нужно.

А он думает, что идёт туда, потому что сам этого хочет.

Но сейчас я говорю о том, что мы постепенно приближаемся к точке, когда этого будет просто недостаточно, по крайней мере, на данном этапе.

Если хотите гарантированно инцидент какой-то разобрать, например лондонский теракт, то вам нужны какие-то мягкие либо жёсткие формы контроля.

Мягкие – это видеокамеры везде, они уже есть, их будет всё больше и больше, с большим функционалом.

Такой мир.

Ости И.В.: Это пугает.

Аветисян А.И.: А так ещё в середине XX века О. Хаксли этот новый мир нарисовал.

СКРИВАНОВ Д.С.

депутат Государственной думы РФ

Когда речь зашла о законодательстве, здесь прозвучал тезис о том, что необходимо законодательное торможение технологического развития.

Я считаю, что сегодняшняя проблема с коронавирусом – это своего рода социальная прививка для общества.

Хочу поделиться небольшим опытом.

Мы полгода или год назад работали над законопроектом, который бы узаконил базовые процессы, происходящие в сфере IT, но выпустить законопроект не смогли.

Не смогли не то что описать процессы, но даже прийти к единым формулировкам, которые прозвучали бы впоследствии в законе и могли быть применимы в будущем правоохранительными органами, судами.

В этой связи вопрос: как Вы себе представляете замедление технологического развития и, в том числе, законодательное замедление технологического развития, если сегодня мы не можем сформулировать то, что может быть актуально через 2 года?

Спасибо.

Аветисян А.И.: Я ещё раз хочу сказать, что, видимо, меня неправильно поняли.

Торможение прогресса невозможно.

В первую очередь идёт речь о том, что в науку нужно, наоборот, вкладывать и развивать ее как можно большими ресурсами.

Я имею в виду торможение внедрения, особенно в критически важных областях, причем торможение не за

счёт того, что просто не внедряем, а за счёт повышения требований к системам, которые внедряются.

Если у нас при этом наука сможет дать ответ и сможет за дополнительные ресурсы создать системы, которые будут удовлетворять этим требованиям, можно будет их внедрять.

Но опыт показывает, что это автоматически будет означать некоторое торможение просто потому, что выяснится, что те сырые технологии, которые нас окружают, реально внедрять нельзя.

Сейчас у нас уже кондиционеры идут с микрочипами, которые могут передавать куда угодно что угодно.

Мы их, сами знаете, куда только не ставим. Вопрос: насколько они надёжны?

То же самое холодильники, телевизоры и всё остальное.

Я сейчас говорю об очень простых вещах, мир вокруг значительно сложнее.

И если мы не сможем на уровне государства это делать – будет плохо.

Если мы будем это делать прямо в лоб, то начнём существенно отставать в научно-техническом прогрессе.

Поэтому нужно, может быть, возглавить, стать лидером.

Я понимаю, что сегодня очень сложно это обсуждать в силу экономических обстоятельств и всего остального.

Кажется, что мы достаточно сильно отстали. Это не так, у нас на уровне научной школы есть некоторая воля, понимание.

Я думаю, в том новом мире у нас вполне может найтись место.

Надо делать это сообща, а не только в рамках одной нашей страны.

А внутри себя надо показать, что это возможно.

Это долгий процесс, не год, а десятилетия.

Но если мы сегодня не победим, то через 10–15 лет у нас уже не будет времени, нам будут навязывать то, что уже будет принято, и мы будем вынуждены это принимать в силу того, что жить-то всем захочется дальше.

Я ещё раз говорю, за 15–20 минут мы сейчас в основном какие-то эмоциональные, оценочные суждения можем высказать.

Ости И.В.: Да, философская такая история получается.

Аветисян А.И.: Всё, что я рассказывал, базируется на опыте реальной разработки и создания систем, которые внедрены в достаточно серьёзных местах.

КАСАВИН И.Т.

чл.-к. РАН

Когда мы говорим о современном технологическом развитии, то имеем в виду, чем оно отличается от того развития, которое было в XVII–XVIII веках.

Тогда оно шло независимо от науки, наука догоняла технику.

Сегодня, наоборот, все технологические новации опираются на исследования в рамках науки.

Единственное, о чем мы нередко забываем, что наука шире, чем естествознание, математика и компьютерные науки.

Там есть ещё социальные и гуманитарные науки.

И когда мы удивляемся, что техника, которую мы изобретаем, не имеет человеко-размерности, то есть она непригодна в том виде, в котором мы изобрели, для использования в обществе, что она угрожает человеку, то это следствие того, что, изобретая эту технику, мы не осуществили социально-гуманитарное сопровождение и экспертизу.

Если эта экспертиза и сопровождение будут не только сопровождать развитие естественных наук и развитие технических наук, технологий, но будут даже опережать их, вот тогда мы минимизируем последствия развития технологий.

Тосунян Г.А.: Абсолютно согласен.

Это к вопросу о том, что отделению общественных наук в Академии надо особое внимание и место уделить, а самому отделению большую ответственность на себя взять.

Аветисян А.И.: Я, как докладчик, тоже хочу сказать, что абсолютно согласен.

Более того, уже несколько лет, выступая везде, говорю, что нужны междисциплинарные команды, потому что мы многое не понимаем в силу того, что заняты своим делом, а вы не понимаете наши задачи.

Нельзя это сделать оторвано, мы живём в одном мире и должны вместе делать.

Тосунян Г.А.: Считайте, что сегодня мы свою лепту в это дело и вносим.

Доклад II

АГАНБЕГЯН А.Г.

ак. РАН, д.э.н., зав. кафедрой экономической теории и политики
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ

Присоединяюсь к высокой оценке замечательного доклада Арутюна Ишхановича о гиперускорении и торможении, характерных для необычного общемирового структурного кризиса с коронавирусной пандемией.

Я хочу взглянуть на гиперускорение и торможение с более общих социально-экономических позиций, не ограничиваясь периодом этого кризиса, когда они приобрели экстремальные значения.

Если взять 75-летний период после окончания Второй мировой войны и оценить развитие разных стран, то среди них можно выделить страны, которые в течение 20–30 лет совершили огромный рывок вперёд благодаря сверхбыстрым темпам социально-экономического развития по 5–10% в среднем в год в 2–3 раза быстрее, чем развивалась мировая экономика, и в 3–4 раза быстрее средних темпов роста ВВП в развитых странах во главе с США.

В разные периоды времени я насчитал примерно 20 стран с населением, составившим 40% его численности в мире.

Первой группой стран с ускоренным развитием были страны, пострадавшие в ходе войны и сумевшие восстановить сократившиеся в 2–3 раза объёмы экономики и социальной сферы за 4–5 лет.

Самый яркий пример – возрождение Франции, сверхбыстрый рост которой шёл на протяжении

примерно 25 лет, во время которых были выполнены пять пятилетних планов.

Франция ввела стратегическое народнохозяйственное планирование по пятилеткам первой среди рыночных стран с 1947 г., создав комиссариат планирования.

После восстановления и превышения довоенного уровня на протяжении с 1960 до 1973 г. её экономика продолжила быстрое развитие в среднем по 5% ежегодно (США – 2%, Англия – 2,9%).

Этому способствовало увеличение доли инвестиций в основной капитал в ВВП с 20 до 25 процентов.

Сверхбыстрое развитие Франции во многом определялось подъёмом рыночной экономики за счёт приоритетного увеличения рынка капитала и поддерживаемой конкурентной среды.

Стратегическое планирование здесь было дополнительным драйвером в виде адресных заданий для государственных структур и индикативных плановых показателей для частных структур, выполнение которых стимулировалось с использованием льгот и привилегий со стороны государственного регулирования экономики и социальной сферы.

Впечатляющим было быстрое возрождение Западной Германии в ходе коренных реформ, проведённых всемирно известным реформатором Людвигом Эрхардом, который все эти годы возглавлял финансовую систему Западной Германии, умело используя ресурсы, предоставленные планом Маршалла со стороны США.

Была проведена конверсия военного производства с переходом на выпуск гражданской продукции при одновременном восстановлении разрушенных городов и предприятий.

Экономика Германии была полностью восстановлена за 5–7 лет ускоренного развития при неблагоприятных обстоятельствах побеждённой страны, где значительная часть трудовых ресурсов была втянута в войну, и многие из них не были обучены гражданским профессиям.

К тому же дух побеждённой армии никак не способствовал энтузиазму возрождения, как это было в СССР, где к мирной жизни возвратилась армия, выигравшая войну и нацеленная на быстрое восстановление мирной жизни.

Быстрое развитие продолжалось и дальше, и в 1960–1975 гг., используя создание общеевропейского рынка в составе Евросоюза, среднегодовой прирост ВВП составил 4,1%.

Ещё быстрее в это время развивалась Италия со среднегодовым темпом в 6,3 в год.

Многие страны Европы в наиболее трудные моменты восстановления экономики в послевоенный период использовали планирование.

Это касалось не только Италии, но и Швеции, Норвегии и ряда других капиталистических стран.

Сверхбыстрые темпы (6,6% в среднем в год) экономического развития продемонстрировала в это время отстающая от других стран по уровню социально-экономического развития франкистская в прошлом Испания благодаря сочетанию мер по созданию крупных, нацеленных на внешнеэкономический экспорт корпораций с производственной демократизацией и значительным подъёмом мелкого и среднего бизнеса.

Второй группой стран, осуществивших крупный рывок вперёд, были страны Юго-Восточной Азии.

Первой начала рывок Япония, которая не имела в то время развитой промышленности.

Машиностроение, химические производства, металлургия были отстающими отраслями с преобладанием ручного труда. Огромное отставание Японии было по производительности труда от США – более трёх раз.

Сверхбыстрое развитие Японии началось с середины 1950-х гг. и продолжалось до 1980-х гг. – 25 лет со среднегодовыми темпами около 10%.

И здесь в совершенно других социально-экономических условиях по сравнению с Францией был использован сильный дополнительный рычаг ускорения в виде стратегического народнохозяйственного пятилетнего планирования.

За пять пятилетних планов экономика Японии увеличилась в 10 раз, и она поднялась на второе место в мире, существенно превысив экономику объединённой Германии, не говоря о Франции и других странах Европы, став второй по экономической мощи державой к 1990 г. после США.

В отличие от других стран, сверхбыстрое развитие в Японии шло в большей мере за счёт инновационного роста при опережающем научно-технологическом развитии, где главной отраслью стали информационные технологии, производство полупроводников и компьютеризация.

Япония лучше других стран в своём развитии использовала международный передовой опыт, прежде всего ведущей экономической державы мира США.

Япония в массовом масштабе скупала патенты и промышленные образцы, наладив их массовое производство.

К началу 1980-х гг., когда США находились в застое и рецессии, Япония по ряду технологических нововведений, развитию электроники опередила США.

Многие отрасли японской промышленности, включая металлургию, автомобилестроение с головной фирмой Toyota, развитие машиностроения на базе станков и автоматических линий с программным управлением, поднялись на первое место в мире.

Ещё больший рывок вверх также за счёт технологического прогресса совершила Южная Корея, превратившись из отсталой страны третьего мира в передовую индустриальную державу.

За 30 лет с начала 1960-х гг. ВВП здесь увеличивался в среднем в год по 8%, и его объём с 2,3 млрд долларов увеличился до 204 млрд долларов.

Во многом это было осуществлено за счёт крупнейших холдингов по инновационным направлениям, прежде всего связанным с электроникой.

Здесь Южная Корея не уступала Японии, а её ведущая корпорация Samsung по ряду позиций стала самым передовым мировым холдингом.

Южная Корея организовала также один из крупнейших в мире центров автомобильной промышленности, наводнив страны мира своими автомобилями.

Как и Япония, Южная Корея развивалась с использованием пятилетних планов.

Продолжает этот выдающийся ряд азиатских стран со сверхбыстрым развитием Тайвань, в прошлом один из самых бедных районов Китая с плохими почвами, отсутствием каких-либо природных богатств, к тому же приютив голодную, изорванную,

проигравшую войну гоминьдановскую трёхмиллионную армию.

И при всём этом Тайвань смог тоже оседлать научно-технологический тренд и стать производителем самой высокой электроники, точного машиностроения и приборостроения, информационных технологий, став здесь вровень с передовыми странами мира.

Его ВВП с 42 млн долларов в 1980 г. увеличился до 1,3 млрд долларов к 2020 г.

Выдающихся успехов добилось государство-город Сингапур, небольшое по территории и численности – менее 6 млн человек, но ставшее крупным мировым финансовым центром и центром производства самых передовых изделий в области электроники, IT-технологий, фармацевтики и медицины, кораблестроения и ряда других отраслей.

Достаточно сказать, что экспорт здесь превысил 400 млрд долларов – больше экспорта огромной России.

Особое место среди стран со сверхвысоким ускорением занимает Китай – самая крупная мировая держава с населением, приближающимся к полутора миллиардам человек.

Недавно Китай приступил к выполнению 14-го пятилетнего плана.

Начав ускоренный рост в конце 1950-х гг., за 40 лет Китай увеличил объём экономики в 15 раз и по объёму ВВП по паритету покупательной способности несколько лет назад превзошёл США, правда, уступая по номинальному размеру ВВП, рассчитанному по рыночному валютному курсу юаня.

Китай вышел на первое место по внешней торговле с фантастическим объём внешнеэкономического оборота в

размере более 6 трлн долларов, где внешнеэкономический оборот с Россией, например, составляет немногих более 2%.

А главные места занимают США, Евросоюз и Япония.

Небывалый скачок сделал Китай во всех областях, начиная с кратного увеличения объёмов сельского хозяйства, обеспечив продовольственное благополучие своего огромного населения.

В то время как 40 лет назад они жили впроголодь.

В Китае было 800 млн человек бедных с минимальным доходом менее одного доллара в день.

Такая бедность в Китае практически полностью преодолена.

При этом в ходе сверхбыстрого подъёма со среднегодовым темпом около 10% Китай сумел создать современные отрасли: полупроводниковую, атомную, космическую, ускоренно создаётся авиационная промышленность.

Китай вышел на первое место в мире по производству и использованию суперкомпьютеров.

В России на сегодня действует семь суперкомпьютеров, отнюдь не самых мощных в мире.

А в Китае из 500 самых мощных компьютеров мира используются 298.

Китай конкурирует с США по ряду передовых технологий, опережая США, например, по показателям скорости Интернета, производя соответствующее оборудование и приборы.

Китай буквально наводнил Америку, Европу, другие страны своей многочисленной промышленной продукцией,

в том числе машинами и оборудованием, автотранспортом, химической продукцией.

Он вышел на первое место в мире по протяжённости скоростных железных дорог, а экспериментальный поезд Китая установил мировой рекорд скорости на серийной скоростной железной дороге – 642 км/ч.

По строительству мостов, гидросооружений, высотных зданий Китай давно опередил другие страны, в том числе по скорости строительства.

По масштабам инновационного развития Китай уступает сегодня только США, намного опережая Германию, Японию и другие страны.

Характерный пример – численность фирм-стартапов-«единорогов», как называют фирмы, чья капитализация превосходит 1 млрд долларов.

Из 1048 таких фирм в США их 487, а в Китае – 301.

Идущие вслед за Китаем Индия, Германия, Великобритания и Япония имеют их примерно по 50.

При этом самая высококапитализированная фирма-«единорог» ByteDance в Китае оценивается в 349 млрд долларов.

Для сравнения укажем, что рыночная капитализация Газпрома, Роснефти, Сбербанка – крупнейших холдингов нашей страны – не превышает каждый по 100 млрд долларов.

В последнее десятилетие к темпам Китая приблизилась Индия – страна с огромным населением в 1,35 млрд человек, самая бедная среди крупнейших стран мира.

По рыночному курсу валюты номинальный ВВП Индии на душу населения составляет около 3 тыс. долларов, в то время как Китай сравнялся здесь с Россией – около 11 тыс. долларов.

Правда, по оценке по паритету покупательной способности Россия достигла 30 тыс., Китай – только 15, а Индия – 6 тыс. долларов.

За последние 10 лет ВВП Китая и Индии удвоился, а в России увеличился примерно на 5%.

Индия не сумела, как Китай, развить весь научно-технологический комплекс.

Но она очень сильно продвинулась, опередив даже Китай по объёму экспорта IT-услуг, прежде всего разработке математических программ для IT-технологий.

Их объём в Индии превысил 150 млрд долларов, из которых более 120 составил экспорт в другие, прежде всего развитые, страны ЕС, а также США и Японию.

Китай здесь отстаёт, экспортируя эти услуги в районе 100 млрд долларов.

На первое место в мире Индия вышла по производству бриллиантов и ювелирных изделий, экспортируя их в размере до 100 млрд долларов.

Набирает темпы Индия и по количеству фирм-«единорогов» – около 50, и по развитию научного приборостроения, электроники, робототехники, создав один из крупнейших инновационных мировых центров в новом 4-миллионном городе Бангалор, который по развитию в научно-технологической сфере, правда, пока уступает Шэньчжэню и Шанхаю, в каждом из которых насчитывается по 80–90 фирм-стартапов-«единорогов»,

которых, как видно, в каждом из этих городов больше, чем во всей Индии.

В своём сверхбыстром развитии Индия использовала пятилетние планы, завершив несколько лет назад 12-ю пятилетку.

В последние годы набрала темпы роста Индонезия – одна из крупнейших стран мира по населению, занимающая 4-е место после США, с 273 млн человек.

Она стала развиваться по 4–6% ежегодно и по объёму ВВП по паритету покупательной способности приблизилась к России, заняв после неё 7-е место в мире.

Ещё быстрее развивается Малайзия, используя до сих пор пятилетние планы.

Из других азиатских стран относительно быстрый рост демонстрирует Турция, которая успешно выполняет 11-й пятилетний план.

За 30 лет, с 1980 по 2010 год, среднегодовые темпы здесь составили 4,5%.

Благодаря этому она поднялась на 11-е место в мире по объёму ВВП при оценке по ППС.

Быстрому росту Турции в настоящее время препятствует высокая инфляция и большая волатильность турецкой валюты – лиры.

По многим показателям Турция поднялась вровень с Россией, превзойдя её по показателю ожидаемой продолжительности жизни, по уровню жизни пенсионеров, минимальному размеру заработной платы, но отставая немного по средним показателям экономического и социального уровня.

Заметный рывок наверх продемонстрировали Объединённые Арабские Эмираты, прежде всего Абу-Даби и Дубай.

Обладая крупными запасами нефти (6-е место в мире, опережая Россию), Арабские Эмираты резко увеличили её добычу, переработку и экспорт и освоили пустынные местности, посадив более миллиона деревьев и создав крупные города.

Общий объём ВВП увеличился до 400 млрд долларов.

Помимо грандиозного строительства недвижимости и обустройства территорий здесь ускоренно развивается наука, образование, здравоохранение, нефтепереработка и нефтехимия, строятся машиностроительные и другие предприятия.

Объединённые Арабские Эмираты первенствуют в мире по созданию искусственных островов с построенной недвижимостью, прокладывая путь освоения шельфовых зон для других стран.

Здесь удалось также создать передовые в мире огромные авиакомпании, страховой бизнес.

Быстро набирает силу международный финансовый центр в Дубае.

Из европейских стран сверхскоростное развитие в последнее десятилетие продемонстрировала Ирландия.

Она стала по ряду показателей одной из передовых стран, в прошлом самая отсталая страна Европейского союза, на протяжении последних трёх столетий теряющая трудоспособное население, которое уезжало в Великобританию, США и Австралию.

Среднегодовые темпы ВВП здесь поднялись до 4% в первое десятилетие 2000-х гг. и до 5% в среднем в год в последние 10 лет.

Новое правительство Ирландии решило перевести страну на инновационный путь развития, создав самые благоприятные налоговые и другие условия для создания предприятий и организаций по информационным технологиям, электронике, компьютерному делу и другим передовым отраслям.

В Ирландии были созданы филиалы крупнейших мировых, прежде всего американских, фирм для снабжения всей Европы соответствующей передовой продукцией.

Потребовалась квалифицированная рабочая сила.

Пришлось значительно улучшить и развить образование, прежде всего университетское, для этих целей, стал расти объём производства, уровень жизни, возник дефицит кадров, и в Ирландию начался приток мигрантов вместо предшествующего оттока.

Ирландия обошла Великобританию сначала по уровню экономического развития, а потом и по заработной плате и выдвинулась на первые места среди европейских стран по своим показателям.

На фоне относительно невысокого среднегодового роста по 2% в год, который в последние 30 лет показывают развитые страны Европы во главе с Германией, Великобританией, Францией, Италией и Испанией, **новые члены ЕС – 14 постсоциалистических стран в главе с шестой по объёму ВВП Польшей – развиваются 3-процентным среднегодовым ростом.**

И если ВВП развитых стран Европы за 30 лет увеличился в 1,8 раза, то новых стран ЕС в 2,5 раза, а их лидера и крупнейшей страны Польши и второй по величине постсоциалистической страны Румынии ВВП вырос в три раза.

Этот рост нельзя назвать сверхбыстрым, поскольку он соответствует общемировому темпу развития экономики.

Но для относительно развитых стран, особенно европейских, такой темп роста постсоциалистических стран может считаться приоритетным и быстрым, ведь их средний экономический и социальный уровень в 1,5–2 раза выше общемировых показателей.

Особенно быстрым этот рост постсоциалистических стран Европы выглядит в сравнении с развитием России, ВВП которой за 30 лет в докризисном 2019 году увеличился всего на 15%, а не вдвое, как ЕС, не в 2,5 раза, как в США, и тем более не в 3 раза, как в крупнейших постсоциалистических странах Европы – Польше и Румынии.

Между тем в исходном 1990 г. до распада СССР уровень социально-экономического развития России (ВВП на душу населения) из 14 нынешних постсоциалистических стран по ППС уступал только Словении, Чехии и Словакии, опережая все другие страны.

В настоящее время Россия опережает только Черногорию, Албанию и Болгарию, уступая 11 другим постсоциалистическим странам.

И это касается не только этого показателя.

По ожидаемой продолжительности жизни Россия уступает всем этим странам: в 2019 г. этот показатель в России составил 73,4 года, а в постсоциалистических странах от 76 до 79 лет.

В кризис 2020–2021 гг. ожидаемая продолжительность жизни в России сократилась на 4 года, а в постсоциалистических странах вдвое меньше.

И это отставание увеличилось.

По индексу человеческого развития Россия опережает только Болгарию, Черногорию и Албанию.

Из 189 стран мира по международному рейтингу Россия здесь занимает 52-е место, а Болгария – 56-е, в то время как Словения – 22-е, Чехия – 27-е, Эстония – 29-е, Литва – 34-е, Польша – 36-е, Латвия – 37-е, Венгрия – 40-е.

По темпам социально-экономического развития относительно медленные темпы из крупных регионов мира демонстрируют также страны Южной Америки, в том числе и крупнейшие из них – Бразилия, Мексика и Аргентина.

Исключение с быстрыми темпами в последние 40 лет составляет только Чили: в 80-е гг. прошлого века среднегодовой рост ВВП – 6,5%, в 90-е гг. – 5,5%, в 2000-е гг. – 4%.

А в среднем в последние 40 лет здесь наблюдался сверхвысокий рост по 5% ежегодно.

В результате уровень экономического развития (ВВП на душу населения по ППС) в Чили составил 27 тыс. долларов в 2019 г. – больше, чем в Аргентине и Мексике, а также в 1,5 раза выше Бразилии.

Здесь самая высокая минимальная заработная плата среди стран Южной Америки, самая лучшая пенсионная система (Чили занимает 21-е место в мире), а по качеству жизни пожилых людей идёт вровень с многими развитыми странами, в то время как Россия здесь на 65-м месте среди 96 стран.

По индексу человеческого развития Чили на 42-м месте, в то время как Бразилия и Мексика на 70-х местах.

По ожидаемой продолжительности жизни Чили входит в лидирующую группу мировых стран с показателем 80,7 года в сравнении 79,0 года в США.

Россия собирается достичь таких результатов в лучшем случае через 10 лет.

В отличие от других стран Южной Америки, имеющих отрицательное сальдо миграции, Чили характеризуется значительным приростом числа мигрантов.

Эти социально-экономические успехи сверхбыстрого развития этой небольшой страны с населением 18 млн человек во многом связаны с осуществлением в последние десятилетия системы мер, разработанных для правительства Чили Милтоном Фридманом, крупнейшим макроэкономическим учёным США, которого многие осуждали за то, что он разработал для Чили эти меры в бытность во главе Чили жестокого диктатора генерала Пиночета.

Пиночета давно нет, а народ Чили, в отличие от народов других стран, процветает.

Мы кратко охарактеризовали страны мира, которые демонстрировали в своей истории сверхбыстрое развитие.

Намного более подробный и глубокий анализ большинства из рассматриваемых нами стран представлен в двух коллективных монографиях, подготовленных под руководством профессора Я.М. Миркина в Институте мировой экономики и международных отношений РАН¹.

¹ См. книги под редакцией Я. М. Миркина: Механизм стимулирования сверхбыстрого роста: мировая практика. М.: Магистр, 2018; Финансовая система модернизации экономики: мировая практика. М.: Магистр, 2014. Я подробно рассмотрел последнюю работу с выводами для России в статье в журнале «Финансы и кредит». 2015. № 8.

Доклад III

УШАКОВ Д.В.

ак. РАН, д.п.н., директор Института психологии РАН

Оттолкнусь от словосочетания «стресс-тест», которое было ключевым в сегодняшнем выступлении Арутюна Ишхановича.

Хотелось бы попробовать развить это словосочетание, используя то, что один из крупнейших социологов, историков XX века Артур Тойнби называл «вызовом и ответом».

Идея Тойнби состоит в следующем: чтобы сложилась мировая цивилизация, должен быть вызов.

Если народ на этот вызов дает ответ, тогда складывается великая цивилизация. Если ответ не находится, цивилизация ломается.

Под этим углом можно рассматривать современную ситуацию.

Конечно, трудно пока сказать, какого масштаба нынешний коронавирусный вызов и какой и из каких стран будет ответ, но очевидно, что в общественном сознании сегодня прослеживаются ассоциации апокалиптического или параапокалиптического характера, например в виде карикатур, изображающих ангелов смерти в респираторах.

Можно вспомнить, что говорил Бертран Рассел, когда обсуждал, почему Средневековье пошло вверх на рубеже тысячелетий.

После падения Римской империи образованность постепенно падала, при Карле Великом уже было мало образованных людей, а где-то к X веку грамотность вообще сошла к минимуму.

По мнению Рассела, перелом произошёл в районе тысячного года.

Почему?

Возможно, потому, считал Рассел, что люди ожидали конца света.

Вот так же мы проходили 2000 год, и были некоторые подобные ожидания, но в районе тысячного года они были гораздо острее.

При этом вместе с этими переживаниями 1000 года в европейской христианской цивилизации произошёл перелом, она пошла вверх, развилась готика, схоластика, выйдя на вершину в XIII веке.

Это глубокая идея: переживание угрозы гибели, *memento mori*, помни о смерти – переводит нас в другой психологический режим, изменяет наше поведение.

И христианское, что все люди – братья, возникает из того, с психологической точки зрения, что оценки переносятся с конкуренции в этом мире на стремление достичь чего-то в другом мире.

Когда мы боремся, кто преумножит свои стада, чьё потомство заполнит землю и так далее, мы конкуренты.

Но как только мы становимся перед лицом смерти, то с конкуренции переключаемся на кооперацию, как бы превращаемся в братьев.

То психологически положительное, что дают параапокалиптические переживания, это переключение с конкуренции на общечеловеческое.

И эти переживания могут сообщить, как это ни удивительно, резкий толчок увеличению эффективности деятельности людей, общественному и культурному прогрессу.

За счет чего?

Конечно, за счет того, что меняется мотивация людей, направленность и интенсивность их деятельности.

Но есть и еще один механизм, очень важный.

Это правила организации совместной деятельности, то, что называется социальными институтами.

Социальные институты, организуя совместную деятельность людей, в большой степени определяют ее эффективность, а значит, прогресс общества в культуре, технологиях, науке, его богатство и т. д.

И серьезная беда современного российского общества, об этом немало говорится, – это плохая работа институтов.

Можно привести в пример недавно произошедшую в Москве ситуацию с очередями при проходе в метро в связи с пропусками.

Эта ситуация интересна социально, такой психологический экспресс-анализ.

Сегодня существует некая вертикаль, которая принимает решение и проектирует отдельные социальные действия.

Например, решение о введении пропускного режима принимает мэр Москвы.

Оно, по всей видимости, правильное и обоснованное.

Дальше идёт вертикаль, которая должна это решение реализовать.

На каждом уровне этой вертикали есть человек, который принимает своё решение в рамках того, что ему даёт вышестоящий.

Проблема в том, что наша вертикаль не способна адаптировать распоряжение сверху в соответствии с требованиями целесообразности для дела.

Нижестоящий не может дать вышестоящему обратную связь, что выполнение его приказа нецелесообразно.

Если мэр Москвы принял решение, что должны быть пропуска, но при попытке выполнить это решение создалась очередь, которая приводит к увеличению заражений, что прямо противоположно целям принятого решения, нижестоящий чиновник все равно будет выполнять это решение.

Дело требовало бы, чтобы людей пустили без пропусков, но любое звено в рамках нашей иерархии власти не может этого себе позволить, потому что это для человека означает крах внутри системы.

Наши социальные институты построены так, что для успешной карьеры чиновник должен реализовывать указания сверху, даже если они очевидным образом противоречат интересам дела.

За это наказания не будет, а вот если послушаться, то это повлечет карьерные следствия.

Вылетание из системы для чиновника плачевно: кто был всем, станет ничем.

Этому есть несколько оснований.

Одно из них – то, что исследователи называют дистанцией власти.

Где-нибудь в Швеции премьер-министр ходит за продуктами в супермаркет.

Или идет один в кино, что не всегда хорошо кончается.

Были журналистские комментарии по поводу встречи нашего президента с королём Швеции.

Стоят огромные машины нашего кортежа, журналисты спрашивают: «А где же шведский король? Он, наверное, не приехал, где его машина?»

Им говорят: «Нет, он здесь, вот его Volvo S40, маленькая машинка, он сам приехал за рулём».

Вот это – дистанция власти.

Вопрос сейчас не в том, хорошо это или плохо, морально или аморально.

Проблема, как это действует на принятие решений.

Дистанция власти объективно затрудняет обратные связи в вертикали управления.

Но есть и другой аспект проблемы – распространение в обществе цинизма и недоверия.

Цинизм побуждает чиновника ориентироваться на свои интересы, пусть это и мешает решать общие задачи.

А недоверие вышестоящих к нижестоящим, неверие в их добросовестность, вполне логичное на фоне распространения цинизма, приводит к требованию неукоснительно выполнять указания.

Все это глубокие и трудноискоренимые проблемы.

Цинизм распространяется в условиях конкуренции, неравенства, двойных стандартов, нечестного обогащения.

Понятно, что и дистанция власти – это нечто, что создает дополнительные и очень существенные бонусы элитам.

Если элита расположена далеко от народа, то бремя ее становится намного легче, намного приятнее, и это то, к чему элита и стремится.

Поскольку элита принимает решение, по каким правилам играть обществу, то эта дистанция власти может под воздействием элиты увеличиваться.

Создается устойчивая самоподдерживающаяся система.

И вот здесь роль внешнего вызова в переформатировании институтов.

Если элита замораживает положение в своём обществе, то общество может в определённый момент стать неконкурентоспособным и неспособным отвечать на вызовы.

Но общество призвано решать задачи, в том числе сегодня – как противостоять эпидемии.

И если организация общества, система культурных ценностей, система общественных практик устроена таким образом, что мы способны с этим справиться, то тогда на вызов, на challenge следует response.

И страна в силах решить свои задачи, преодолеть этот вызов.

В ситуации, когда есть вызов, возникает не просто конкуренция.

Наша эпидемия – это не конкуренция с США или с Китаем, это конкуренция со смертью.

И когда это происходит, то все социальные институты оказываются под напряжением.

Сама система социальных институтов оказывается перед вызовом.

Способность изменить эту ситуацию таким образом, что мы станем способны решать задачи, или неспособность изменить ее – это принципиальный вопрос в ответе на этот вызов.

Вызов хорош тем, что он заставляет всех встряхнуться.

И если в обычной ситуации есть некоторая рутина готовых форм и люди склонны воспроизводить всё это, то ситуация вызова заставляет принимающих решения понять, что обычные методы действия могут «не прокатить».

Далее.

Можем ли мы прогнозировать, что будет происходить?

С прогнозированием ситуация очень сложная, в частности, сложно прогнозировать даже число заболевших при эпидемии.

Александр Михайлович Сергеев про эти вещи говорит следующее: это так же сложно, как прогнозировать погоду, потому что законы развития эпидемии таковы, что маленькие изменения в начальных условиях приводят к тому, что эффекты сильно расходятся.

Разница в миллиметр в начальных условиях приводит к расхождению в километр через определённый период времени.

Это то, что называют расхождением системы.

Если это происходит и с погодой, и с эпидемией, то понятно, что с психологическими последствиями эпидемии эти все процессы ещё сильнее расходятся.

Они могут пойти в одну сторону, а могут – в другую.

Однако в социогуманитарных науках есть важная особенность.

Скорее к счастью, чем к несчастью, социальные системы устроены таким образом, что в них включены сознательные планы и проекты людей.

Поэтому социогуманитарная наука может представлять модель, не связанную с прогнозированием, модель того, как в этих ситуациях люди могут самоорганизовываться, чтобы справиться с поставленными задачами.

Эти модели могут служить основой проектов, чтобы люди, принимающие решения, достаточно ясно понимали, при какой реакции общество может справиться с возникающей ситуацией, а при какой – не может справиться.

И в связи с этим – последнее.

Илья Теодорович отметил в своем выступлении, что сейчас роль науки стала другой.

Вызов важен и тем в наших условиях, что он может востребовать систему понимания общества и понимания психологии общества на новом уровне.

Это заставляет людей под угрозой апокалиптической ситуации, когда нужно не с конкурентом бороться, а бороться за жизнь, по-новому осознать серьезность науки и важность обращения к ней.

| Ости и.в.

Если позволите, хотелось бы уточнить, немного прокомментировать и узнать Ваше мнение по поводу, допустим, истории с московскими пропусками.

Понятно, что это городской менеджмент.

При оценке потенциала и принятия подготовки решения введения этих пропусков, в частности, в метрополитене, наверняка, по нашей традиции рассматривались три варианта: верхний, нижний и срединный.

Понятно, что желательный – верхний.

Посмотрим по всем этим вариантам, сколько средств необходимо на это, какие существуют риски.

Предположим, желаемый вариант, чтобы пропуска проверялись при входе в метрополитен.

Какие риски? Что будет очередь, потому что надо соблюдать социальную дистанцию – это понятно.

Сколько потребуется денег, чтобы обеспечить гарантированно без очередей такую систему – необходимо приобрести и поставить ещё 999 турникетов.

Конечно, это локальный вопрос и во времени, и в пространстве.

Поэтому кажется, что такое решение было бы неоправданно.

И тогда просто запустился (я сейчас фантазирую) верхний желаемый вариант для того, чтобы его протестировать и понять, как это будет работать на один день.

Среагировали быстро. За один день скорректировались, и дальше всё стало работать либо лучше, либо как-то по-другому.

Тем не менее задача по наличию или отсутствию пропусков, проверке социальной дисциплины – всё это было решено и заработало.

Поэтому с точки зрения менеджмента хотелось бы услышать Ваше мнение, насколько, Вы считаете, такой сценарий действительно мог иметь место.

Ушаков Д.В.: Спасибо за этот вопрос.

Я думаю, что проблема с пропусками – это не совсем проблема менеджмента.

Мне кажется, что при нормальном менеджменте целый день на реакцию – это слишком большое время, а образовавшиеся толпы с возможными последствиями в виде заболевания слишком большая плата.

Вернее, так: день слишком большое время, если решение принимается на низовом уровне.

Когда требуется день, это показывает, что для принятия решения нужно было высоко подняться по уровням управления.

Для решения на уровне заммэра день – адекватное время.

Для решения на уровне низового звена хватит 10 минут.

Поэтому, когда я говорю, что не совсем вопрос менеджмента, я имею в виду, что менеджмент плохо организован по институциональной причине.

Правильный менеджерский подход – решить на низовом уровне.

Это будет быстро и эффективно.

Но этот менеджерский подход у нас не применен не по причине недостаточной сообразительности людей, а по причине того, что они, наоборот, слишком сообразительны как чиновники.

Сообразительный чиновник у нас не примет инициативного решения вразрез с директивами, но в пользу смысла дела.

А это уже институциональная причина: институты чиновничества у нас работают по таким законам.

И о психологических причинах такой работы наших институтов я уже сказал – иерархичность и цинизм.

Для человека, принявшего институциональную роль чиновника, необходимо встроиться в эту вертикаль – это важнее, чем правильно решить вопросы.

Просто я хочу отметить, что эта проблема с организацией людей имеет глубокие корни, она построена, проникла во все формы общества.

Но, когда мы сталкиваемся с реальностью и понимаем, что люди из-за этого могут умирать, тогда у нас есть шанс поменять эту соорганизацию.

И только тогда мы сможем решать не только проблемы, связанные с эпидемией, но и многие другие, в том числе в науке, в культуре и прочее.

Страны становятся великими, когда встреченные ими проблемы заставляют людей по-другому самоорганизовываться.

КАСАВИН И.Т.

чл.-к. РАН

Дмитрий Викторович, мне очень понравился Ваш доклад, в частности, пример, касающийся пропусков в метро.

Можно попробовать разложить эту ситуацию на две составляющие.

Одна – это пропуска сами по себе и их проверка, а другая – это некоторая интеллектуальная составляющая, которая лежит в основе.

Так, предложенное решение, с одной стороны, должно осуществляться.

Но каким образом оно должно осуществляться, с другой стороны, никак не следует из этого решения.

В случае, который вы привели, мы имеем дело с некоторым массивом обыденных представлений о том, как ситуация должна разрешаться.

И здесь такая же рутинная практика, которая реализует это обыденное представление.

Вопрос в том, как следует принимать и реализовывать верное решение.

Прежде всего, это должно быть взвешенное, научно обоснованное решение с привлечением социологов, психологов и так далее, которые должны оперативно работать в таких ситуациях.

Кроме того, необходима не какая-то рутинная практика, которую осуществляет просто полицейский, не знающий ничего другого, а определённая социальная технология, которая базируется на науке.

Она будет рассчитана, и в ней такие неожиданные последствия, вообще-то довольно банальные, будут минимизированы.

Если мы принимаем научно обоснованное решение и выстраиваем соответствующую социальную технологию, это одна ситуация.

А если мы думаем, а что бы нам такое сделать, чтобы справиться с эпидемией...

Ну, давайте пропуска, поставим милиционеров.

К сожалению, ситуация напоминает именно второй вариант, а хотелось бы первый.

Ушаков Д.В.: Спасибо, Илья Теодорович, за этот вопрос и комментарий.

Безусловно, если бы мы имели сверху такое решение, которое было бы принято с учётом всех возможных вариантов, то проблемы не было бы.

И тогда мы, спуская с верхнего этажа власти решение вниз, уже бы заранее точно прогнозировали, что может быть на более низких этажах.

И безусловно, что такое решение может быть принято только на основе науки, современных технологий.

При этом возникает, конечно, вопрос: почему наука в нашей стране востребована не так, как в некоторых других странах?

Я думаю, что эта проблема сводится к предыдущей.

Для того чтобы этого достичь, нужны определённые социальные отношения.

Это тоже вопрос социальных отношений, который, в свою очередь, связан с системой интересов и в то же время с системой культуры, некими глубинными культурными принципами.

НЕСТИК Т.А.

д.п.н., профессор РАН

Хотел бы обратить внимание уважаемых коллег на то, что нам нужна гуманитарная экспертиза решений, принимаемых государством для защиты граждан от пандемии.

Добавлю еще одну проблему к той картине вызовов, на которые мы должны ответить, представленных в докладе Дмитрия Викторовича.

Главное обстоятельство связано с тем, что мы находимся в условиях очень низкого социального доверия.

Обратите внимание, что в ситуации с пандемией коронавируса есть одна сторона, о которой сейчас говорят меньше, чем следовало бы.

В Китае, который более-менее успешно справился с первой волной, доверие к социальным институтам находится на уровне 77%, в России – только 27%.

При этом все репрезентативные опросы показывают, что не больше 1/3 россиян доверяют незнакомцам.

То есть генерализованное доверие у нас крайне низкое.

Это подтверждается и нашими исследованиями: у нас в Институте психологии РАН создана специальная группа по изучению психологических последствий пандемии и запущено несколько исследований.

Первые результаты позволяют говорить о том, что только 22% молодёжи, которую мы опрашивали, доверяют остальным россиянам в том, что те будут соблюдать правила предосторожности.

Только 43% считают, что заболевшие и члены их семьи будут строго придерживаться правил карантина.

Для сравнения: в Китае, мы сейчас проводим также и опрос китайских студентов, 66% считают, что согражданам

можно доверять в соблюдении правил гигиены и различных правил предосторожности.

На что это влияет?

Прежде всего, это влияет на отношение к власти и её решениям в сложившейся ситуации.

В условиях низкого доверия к социальным институтам санитарно-эпидемиологические ограничения будут рассматриваться как избыточный контроль и свидетельство недоверия государства к гражданам.

Вторая сторона – это стигматизация.

Мы сейчас видим в наших исследованиях, что у нас очень высокий уровень стигматизации – заболевших, врачей, которые их лечат, членов их семей, стигматизация даже тех, кто не носит маску, входя в продуктовый магазин, или выходит на улицу.

Всё это мы наблюдаем не только в России, это хорошо видно и в США, и в Италии.

В конечном счёте в масштабах всего нашего общества это сдвигает нас к большей ксенофобии.

Ещё одна сторона этой проблемы связана с ожидающей нас волной посттравматических стрессовых расстройств (ПТСР).

Вы знаете, исследования, проведенные после эпидемий MERS, SARS и Ebola, показывают, что до трети из тех, кто находился на карантине, испытывали ПТСР даже несколько лет спустя.

Оценки исследователей расходятся, но примерно мы можем ожидать, что от 10% до 30% людей будут испытывать психологические проблемы и психические расстройства.

Мы с Андреем Владиславовичем Юревичем, который также участвует в нашем заседании, провели экспертный опрос психологов.

Все они сходятся в том, что психологические последствия пандемии будут сказываться ещё несколько лет.

И последнее, на что хочу обратить ваше внимание, – это вакцинация.

Мы об этом сейчас совсем не говорим, но к этому нужно быть готовыми.

По данным репрезентативного опроса 2019 года, у нас около 10% населения категорически против прививок и в целом около 30% сомневающихся.

Сейчас мы наблюдаем рост конспирологических убеждений.

И на это нужно обращать внимание уже сегодня.

Арутюн Ишханович говорил об этом в своем выступлении, и я хочу подчеркнуть, что **сейчас нас ждет всплеск различных фобий.**

Страхи, связанные с использованием цифровых технологий для контроля за гражданами, усилятся.

Связаны они будут прежде всего с попытками государства контролировать соблюдение карантина и других санитарно-эпидемиологических мер.

Коллеги, спасибо за внимание! Я представил несколько дополнительных штрихов к общей картине.

Вы видите, что **сейчас нам очень нужна гуманитарная экспертиза.**

УШАКОВ Д.В.

ак. РАН

Тимофей Александрович рассказал кратко о некоторых исследованиях, которые проводятся в нашем институте.

Эти исследования действительно показывают проблемы, в том числе нашего общества, проблемы, с которыми мы можем столкнуться, – типа посттравматического стресса, переживания изоляции, переживания страха этой пандемии и так далее.

Мы изучаем психологические проблемы, сопровождающие пандемию, и разрабатываем техники помощи.

Это обязательно нужно делать.

Пишутся специальные протоколы, например, что делать с посттравматическим стрессом и так далее, это всё необходимо.

Но вот что очень важно: нужно понять не только то, как помочь отдельным людям, даже массе отдельных людей, а то, как помочь нашей цивилизации справиться со всем этим.

А для этого нам нужно смотреть в корень этих проблем.

Например, доверие очень существенная проблема при решении этих задач.

Но откуда берётся недоверие?

Почему у нас недоверие, а в некоторых других странах гораздо больше доверия?

Один из механизмов недоверия – это тот самый цинизм в обществе, о котором я говорил.

Ведь степень доверия в обществе зависит от реального поведения людей.

Если люди склонны к циничному поведению, то, естественно, и доверия не будет, потому что доверять циникам глупо.

Вопрос в чём-то более существенном, чем отдельные психологические проблемы у отдельных людей при пандемии.

Вопрос: эти психологические проблемы сломят нас как цивилизацию – мировую цивилизацию, российскую и так далее?

Или они сделают нас сильнее?

СОЛОПОВ Д.А.

председатель совета директоров, основатель компании
PROGRESS

Можно короткий вопрос и высказывание?

Во-первых, благодарю: исключительно интересные доклады, такое интеллектуальное наслаждение для субботнего утра.

Спасибо всем.

Первый и второй докладчики упоминали о том, что для перехода на следующий технологический уровень нужна культурная платформа.

Для античного мира это была греческая философия, и далее последовал цивилизационный скачок.

Для Средневековья – христианство.

Для промышленной революции – просвещение.

Хотелось бы спросить докладчика: **а что сегодня является такой идеологической платформой, культурной платформой, морально-нравственной платформой?**

Есть ли она?

Ушаков Д.В.: Спасибо большое.

Это интересный и глубокий вопрос, который требует большой интеллектуальной работы для ответа.

Прежде всего – общество все время ведет подспудную работу по выработке культурной платформы.

Когда у нас сейчас стало 8 или 28 полов вместо двух, появилось Ме Тоо, то это выработка или переопределение платформы.

Борьба, условно, трампизма с клинтонизмом – это в том числе и борьба гуманитарных принципов.

При этом платформа вырабатывается как ответ общества, которому нужно решать определенные задачи.

Был такой психолог Акоп Назаретян, который ввёл понятие техногуманитарного баланса: должен быть некий баланс между техникой и гуманитарной составляющей – системой ценностей в обществе.

Например, когда появляется орошаемое земледелие, большие массы работающих людей, которыми нужно управлять, возникают соответствующие культурные принципы, позволяющие формировать крупные религиозные культы, например, в Египте, крупные государства.

Ну или классический веберовский пример: протестантизм с его культом работы и т. д. как культурная платформа, позволяющая успешно развивать капитализм.

Сегодня наша культурная платформа тоже связана с организацией реальной жизни.

Возьмем исследование Р. Инглхарта по современным культурным ценностям.

Наиболее релевантным в отношении того, насколько общество находится в постиндустриальной фазе, был вопрос в опроснике, касающийся отношения к гомосексуальным бракам.

Объяснение Инглхарта: гомосексуальный брак возникает в том случае, когда семья как экономический институт теряет смысл.

Люди в постиндустриальном обществе могут прожить без семьи, до этого – не могли.

С этим коррелирует изменение отношений к браку, культурная платформа.

Я сейчас не хочу в это вдаваться, а хочу сказать, что различные вещи, которые часто вызывают наше возмущение, происходят из изменения реальной ситуации в обществе, из изменения системы задач, которые решает общество.

Трампизм и клинтонизм – это тоже разные гуманитарные принципы, связанные с разными подходами к решению задач обществом.

Что же воспринимать в качестве позитивной платформы здесь?

В качестве позитивной платформы я бы предложил рационалистический подход.

Что это значит?

Классические культурные платформы, которые Вы перечислили, строятся на декларации некоторых принципов.

Например, Бог устроил мир так.

Эти высшие ценности предписывают нормы поведения, которые оказываются адекватными или неадекватными при решении задач.

Однако сам факт адекватности культурных принципов решаемым задачам исходно не выдвигается в качестве аргумента.

Например, Лютер обосновывал свое учение соответствием Библии, а не тем, что оно поможет развить капитализм.

Лишь несколько столетий спустя Вебер отрефлектировал, что в действительности оно помогло этому развитию.

Современная культурная платформа могла бы с самого начала включить рефлексию как основу создания культурных норм и в этом смысле быть рационалистической платформой.

Не принципы, которые вводятся во имя чего-то высшего – это должно быть, но должно быть отделено.

Но должны быть принципы, которые возникают из анализа реального функционирования современных институтов и норм человеческого поведения, позволяющих этим институтам успешно работать.

Понятно, что этот подход исходит не только из рационализма, но и из сциентизма, поскольку только научный анализ может выявить адекватные социальные институты и соответствующие им модели поведения.

Действительно очень глубокий вопрос.

ОГАНОВ А.Р.

д. ф.-м. н., российский кристаллограф, профессор Сколтеха и МИСиС, профессор РАН, член Европейской Академии

У меня вопрос к Дмитрию Викторовичу, а потом будет ещё вопрос к Арутюну Ишхановичу и Александру Михайловичу.

Вначале по поводу выступления Дмитрия Викторовича: мне хотелось бы Ваших прогнозов.

Мне очень понравилось Ваше выступление, такая большая картина вызовов и ответов.

Ответ, который будет получен, зависит от структуры власти, как она устроена, от доверия к ней, от настроения и запросов общества.

Все эти факторы вполне измеримы, социологи это делают.

Мы знаем, какой процент людей доверяет власти, какие запросы у общества.

Но если мы посмотрим на то, как были устроены предыдущие кризисы, то увидим, как было уже сказано, что на страх конца света в 1000 году ответом послужил скачок в развитии общества.

Такой же скачок наблюдался как ответ на чуму XIV века – Ренессанс.

Каким был ответ на испанский грипп 1918 года, я затрудняюсь сказать, потому что трудно отделить его от эффекта Первой мировой войны.

Но такое ощущение, что ответом было скатывание к тоталитаризму в большинстве стран – в Германии, в Италии, в России и других.

Ответом на юстинианову чуму VI века был серьёзный упадок европейской культуры.

Итак, мы знаем многие параметры нынешнего общества.

Мы знаем, к чему приводили пандемии и прочие кризисы в истории.

Ваш, Дмитрий Викторович, прогноз для России: каким будет ответ, и каким будет ответ для таких стран, как США и Италия?

Похожий вопрос и к Арутюну Ишхановичу и Александру Михайловичу.

Экономический кризис, который у нас сейчас есть, приводит к тому, что пустеет бюджет на науку, а на её развитие нужно выделять достаточно большие средства.

То же самое можно сказать про поддержку бизнеса.

Наверное, бюджет ни одной страны не может вытянуть средний и малый бизнес из той ямы, в которой он сейчас оказывается.

Но, с другой стороны, если не вкладывать деньги в науку, то о борьбе с пандемиями и прочими вызовами можно забыть.

А если не поддерживать малый и средний бизнес, то можно забыть о создании рабочих мест и о наполнении бюджета.

Как быть? Спасибо.

Ушаков Д.В.: Спасибо большое за столь глубокие вопросы.

Я сначала маленькую ремарку сделаю.

Вы сказали про испанку; оказывается, есть данные, что в Америке экономический рост штатов коррелировал после испанки с числом ее жертв.

То есть те штаты, где было больше жертв, выросли быстрее.

Вы сказали про чуму, чёрную смерть XIV века в Европе, там тоже есть аналогичные данные.

Обсуждается, что после этого был существенный толчок.

Теперь вопрос по поводу прогнозов.

Я уже сказал, что с прогнозами дело обстоит плохо.

Но я бы хотел предложить вместо этого другую вещь.

У П.А. Флоренского есть обсуждение так называемого Паскалева аргумента бытия Божия, согласно которому вера – это не столько познание, сколько действие, должна исходить из умножения вероятности исхода на его ценности.

Байесовская формула вероятности.

Поэтому даже если вероятность существования Бога очень мала, но ценность бесконечно велика, мы должны надеяться на это и действовать так, как если бы Он был.

С моей точки зрения, ответ относительно того, как будет действовать пандемическая ситуация на нашу цивилизацию, заключается не в том, чтобы спрогнозировать, что она подействует хорошо или плохо.

Задача – не прогнозировать, а способствовать таким действиям, при которых реализуется хороший сценарий.

Когда мы касаемся гуманитарных или социальных систем, частью которых мы сами являемся, в которых заложено осознание их агентами происходящего вокруг, мы можем прогнозировать только локальные вещи, но глобальные результаты заранее, до наших действий, не predetermined.

Поэтому мы должны действовать исходя из ценностей и целей.

Но мы еще и ученые, а значит, должны привлекать науку для того, чтобы описывать общество.

И как учёные должны предлагать свои модели людям, принимающим решение.

Аветисян А.И.: Хороший вопрос.

Мы всё-таки занимаемся наукой и технологиями, а не финансами.

Если честно, то не могу говорить за всех, потому что я всё-таки работаю в определённом сегменте, мы занимаемся информационными технологиями, мы востребованы.

Без существенных вливаний в науку решить комплекс стоящих перед нами проблем невозможно. Что тут обсуждать, это очевидно.

И никакое торможение внедрения этого дать не может.

Я считаю, что деньги есть, и видно, что программы, которые сейчас будут финансироваться, несмотря на их пересмотр и возможное существенное сокращение, они всё ещё есть.

Меня больше беспокоит, и до кризиса я об этом говорил, что, кроме существующих моделей, ещё нужны модели долгосрочного развития, связанные с технологическими вызовами, которые есть вокруг нас.

На эту тему делал отдельный доклад.

Во всём мире создаются некоммерческие структуры, которые аккумулируют знания и создают новые знания в стыке с индустрией.

Например, мы все пользуемся телефонами, внутри там есть процессор ARM.

Вокруг ARM есть несколько некоммерческих организаций, самая большая – Linaro, это, по-моему, более 500 инженеров по всему миру – в Австралии, Европе, везде они находятся.

Работают, чтобы продвигать платформу.

Кто её финансирует?

Её финансируют десятки организаций, конкурирующих на рынке, среди них Huawei, Samsung, Google и другие.

С моей точки зрения, Академия наук в этом смысле и наша наука идеально подходят, потому что мы изначально являемся такой некоммерческой средой.

Институт в этой модели и живёт.

Государство должно поддерживать такие центры, которые могут аккумулировать, сдерживать эти технологии и быть равноудалёнными от конкретных компаний, позволять развивать в целом отрасли экономики и отвечать на эти вызовы.

Культивирование, поддержка, особенно уже успешных структур, или создание даже на базе существующих научных школ, с правилами международной интеграции, решают эту проблему.

На своём личном опыте я могу просто показать, как это сделано.

Да, отдельные истории успеха на уровне отдельной личности тоже, безусловно, нужны, но нужны и системный подход, модели.

Их должно быть много.

Принцип не такой, что всё разрушить и построить что-то новое, а посмотреть, где они есть.

Потому что, ещё раз – это некоторый стресс-тест, который общество увидело и начало обсуждать.

Мы-то про это говорим уже не один год, Артём это хорошо знает, мы это уже обсуждали.

Поэтому мне кажется, что сейчас есть достаточно ресурсов.

Нужна воля.

И самая главная проблема: абсолютно согласен насчёт доверия – нужно, чтобы народ, мы все, элита друг другу доверяли.

А для этого нужно, чтобы мы чувствовали, что являемся тоже частью этой элиты.

Мы должны все чувствовать, что мы на передовой, что не будем отсиживаться за спинами кого-то для того, чтобы куда-то там дойти; а что вместе будем двигаться вперёд.

Как это сделать?

На это нужно отвечать вместе – философам, психологам, всем остальным.

А с точки зрения денег на бизнес это уже отдельная история. Я за свой сегмент отвечаю.

Дмитрий Викторович, Вы говорили о проблемах организации власти и соответствующем низком социальном доверии.

Это такой вопрос, на котором я хотел бы акцентировать внимание.

Проблема организации власти не только в том, что сигналы сверху вниз плохо проходят, но они сверху вниз недостаточно эффективно проходят просто потому, что практически очень слабые или нулевые сигналы снизу вверх в силу организации нашей представительной власти, которая не совсем понятна.

Наши депутаты, не в обиду им будет сказано, но во многих случаях не вполне понятно, кого представляют? Большой частью партии, в меньшей степени какие-то социальные слои.

В силу того, что институты, через которые должен передаваться сигнал снизу, которые должны эту функцию выполнять, сегодня всё больше и больше отодвигаются на обочину.

Слава Богу, Торгово-промышленная палата сейчас довольно активно действует, Ассоциация российских банков пытается тоже какую-то свою обратную связь давать.

Но в этой системе сильно нарушены или невысоко эффективны сигналы сверху вниз и снизу вверх.

Наука в этом смысле как раз могла бы быть полезна, поскольку она встроена отчасти и в структуру, условно, государственного управления, поскольку государственное влияние там достаточно велико.

Но оно вместо того, чтобы усиливать эти каналы прямой и обратной связи, усиливает сегодня бюрократическую составляющую, когда сигналы спускаются по поводу того, как Scopus оценивают результативность и авторов, и институтов.

Вы, как директор института, наверняка это на себе тоже ощущаете.

В этом смысле, как Вы считаете, сегодняшняя ситуация позволит нам эти проблемы обнажить, выявить?

И будет во благо эта ситуация использована или, наоборот, она ещё больше усилит вертикаль и заглохнет система обратной подачи сигнала?

Ваша оценка позитива или негатива, ожидаемого от сегодняшнего перехода к таким нестандартным формам и управления, и общения?

Всё-таки в этой форме общения очень много элементов горизонтали, на что я тоже, будучи оптимистом, всегда уповаю.

Чем больше горизонталей, тем больше можно рассчитывать на эффективность.

В этом смысле, Вы согласитесь, что лучше, когда вертикаль вынуждена слушать и учитывать то, что происходит в горизонтальной плоскости.

Я думаю, вопрос понятен?

Ушаков Д.В.: Увеличить финансирование науки с точки зрения финансов государственных не проблема.

Проблема в доверии, в доверии нашей власти к науке.

Это принципиальный вопрос, который имеет ответ не только на стороне власти, но и на стороне науки.

Потому что я понимаю, о чём идёт речь, когда говорят, что нет доверия.

Сомнение власти в том, будет ли какой-то эффект, если в науку вложить вдвое больше, чем вложено сейчас?

Я неоднократно наблюдал изнутри науки некий симметричный ответ научного сообщества на то, как власть относилась к нему, начиная с 90-х годов.

А именно: да, нам нужно получить деньги, неважно, что мы за это сделаем, нам их надо получить.

Я думаю, что очень важный момент – науке тоже надо быть в ответ честной и искренней: спрашивать деньги на то, что нужно, а не на то, что не нужно.

Это могло бы существенно способствовать делу.

Ваш вопрос, Гарегин Ашотович: как ситуация с коронавирусом повлияет?

Я думаю, что эта ситуация не может не повлиять на увеличение авторитета науки.

Потому что все мы понимаем, кто может эту ситуацию разрешить, от кого ждут вакцину, от кого ждут модель эпидемии, от кого ждут разрешения каких-то психологических проблем с эпидемией.

Никто, кроме науки.

И чем более неожиданный новый вызов, тем больше роль науки.

Вопрос в другом.

Будет ли власть доверять нашей науке и развивать нашу науку или будет смотреть на то, что доходит к нам из-за рубежа?

Опять же, понятно, что тот, кто владеет наукой в этой ситуации, тот и разработает вакцину.

Мы разработаем вакцину или американцы разработают вакцину?

Я надеюсь, что если её разработают американцы, то они дадут в том числе и нам.

Если будет проблема с каким-то астероидом, летящим на Землю, то решение проблемы будет общее.

В этом плане возможная очень печальная стратегия нашего государства заключалась бы в том, что скажут: ну,

ладно, пусть научные вопросы решат американцы или китайцы.

Вот в этом проблема.

Правильное решение, безусловно, должно быть в том, чтобы работать с нашей наукой.

И работа с нашей наукой должна, может быть, начинаться с установления доверия, причём шаги должны быть с двух сторон.

Доклад IV

КАСАВИН И.Т.

чл.-к. РАН, д.филос.н., руководитель Сектора социальной эпистемологии Института философии РАН

ПРИРОДА СОВРЕМЕННОСТИ И ВЫЗОВЫ БУДУЩЕГО

Уважаемые коллеги, мне очень приятно включиться в такую дискуссию.

Конечно, хочется сразу же как-то отреагировать на многое из того, что было сказано, потому что основные важные вещи уже прозвучали.

Я попробую внести свою скромную лепту в этот разговор со своей стороны.

Начну с напоминания одной замечательной цитаты, которая звучит так: «Человек есть то, что он знает».

Эта фраза Фрэнсиса Бэкона, известного также как автор другой фразы: «Знание – сила».

Когда мы обсуждаем соотношение науки и технологии, то мы тем самым разворачиваем к современности все эти замечательные высказывания, прозвучавшие очень давно, 400 и более лет тому назад.

Как раз в этом году мы отмечаем 400 лет выдающемуся произведению Фрэнсиса Бэкона «Новый Органон».

В качестве отклика на обсуждение темы соотношения науки, с одной стороны, и технологий – с другой, я бы хотел сказать, апеллируя к ещё одной фразе, авторство которой неизвестно: «Уровень цивилизации не может быть выше уровня культуры».

Мы можем придумать какие угодно технологии, но мы с ними не справимся, потому что нашего собственного

интеллектуального и морального потенциала для этого не хватает.

Это трагическая ситуация, и человечество ее уже не раз тяжело переживало. Во многом это происходило потому, что гуманитарное сопровождение технологий, контроль цивилизации со стороны культуры не смогли справиться со своей задачей.

Вероятно, лидирующий тип культуры в предшествующие эпохи для этих целей не был приспособлен в достаточной мере.

И в этой связи не помешало бы вспомнить ещё раз о том, как в истории соотносились между собой интеллектуально-культурные лидеры и соответствующие исторические эпохи.

Скажем, в античности это, с одной стороны, политическая мысль, с другой стороны, рабовладельческая демократия.

В Средние века интеллектуальным лидером выступает теология, религия.

В эпоху Возрождения это искусство и филология.

В эпоху Нового Времени на роль лидера претендует философия. Примерно в XVIII–XIX веках функцию почти неконкурентного лидера начинает выполнять наука.

Есть подозрение, что и сегодня едва ли кого-то другого можно поставить на роль лидера, кроме науки.

В этом смысле от науки зависит развитие общества, но и наука за это отвечает.

Поэтому мы с вами находимся сейчас в достаточно сложной ситуации.

На нас лежит довольно высокая ответственность, даже если правящие круги за нами этой ответственности не признают.

Для того чтобы подойти вплотную к теме нашего совещания, я хотел бы сказать, что всё, чем мы сегодня

занимаемся, – это попытка научиться как-то по-новому говорить о современности.

В действительности о современности говорить трудно.

Я бы здесь поспорил с недавно прозвучавшим мнением о том, что мы знаем, в каком мире, в каком обществе мы живём.

Давайте попробуем перенестись на 37 лет назад в июльский Пленум ЦК Коммунистической партии СССР на выступление Юрия Владимировича Андропова, который во время своего доклада, будучи (обращаю внимание!) Генеральным секретарём, сказал сакраментальную фразу.

Это фраза осталась в истории, она превратилась в мем, в вирусный лозунг, как сейчас говорят.

Звучит она так: «Мы не знаем общество, в котором мы живём».

Представьте себе ситуацию – эта фраза прозвучала как небольшая бомба.

Ведь перед ним выступал Черненко, который рассказывал о том, как марксистско-ленинская наука глубоко постигает современные общественные закономерности.

Андропов фактически расписался в том, что марксистская наука не способна понимать общество, в котором мы живём. И из этого следуют, конечно, весьма трагические последствия.

Я вам сейчас попробую показать то, каким образом я хотел бы развернуть мысль.

Вы видите на экране указанную фразу. Предложу вам вывести из нее по крайней мере три следствия.

Я уже сказал, мы не знаем общества, в котором мы живем.

Ключевое слово – «не знаем». И самое главное, что это не случайно.

Дело в том, что мы, в принципе, обречены не знать общество, в котором мы живем.

Более того, мы не знаем общество, в котором мы живем, до тех пор, пока мы его не изменим.

И наконец, если мы изменим общество, в котором мы живем, то мы узнаем тем самым общество, в котором мы больше не живем.

Логинов И.Э.: Это все очень парадоксально выглядит.

Касавин И.Т.: Да, это выглядит действительно парадоксально.

И философия занимается как раз этими парадоксами.

Дело в том, что когда мы говорим о современности, то мы осуществляем концептуальный анализ этого понятия.

Но делаем это не так, как делают филологи, не так, как делают логики.

Нас не интересует набор признаков, которые входят в это понятие. Или интересует, скажем так, но не очень.

Нас не интересует, как соотносится слово «современность» с его значением и смыслом. Мы говорим о другом.

Каким образом можно понять современность как проблему?

То есть мы пытаемся сформулировать понятие современности как понятие-проблему.

Что нас волнует? Что нас заботит? Что для нас особенно болезненное в этой современности? Почему нам так трудно ее понять?

Я считаю, что у нас действительно есть серьезные трудности с пониманием того, что такое современность.

Смотрите, фраза Андропова в самом деле выглядела как парадокс.

А что же мы еще можем знать с такой достоверностью, как не нашу современность? Мы же как бы просто смотрим на себя в зеркало, не так ли?

Поэтому современность должна по идее иметь некий когнитивный приоритет перед прошлым и уж точно перед будущим, потому что прошлое от нас удалено, его как бы больше нет – следы его отчасти стерлись, а будущее еще не состоялось.

А современность – это что-то, данное нам непосредственно, это очевидное, доступное в реальном времени, это наша повседневная реальность.

Как же могло случиться, что мы не знаем ее?

Здесь нужно вспомнить о том, что познание социальных явлений – это не просто апелляция к некоторой видимости, это попытка понять глубинные закономерности социального развития.

Я уже сказал, что Андропов фактически расписался в неспособности марксистско-ленинской теории сформулировать адекватно и закономерности, и, в частности, сделать так, чтобы повысить эффективность экономики.

Совсем немного прошло времени, всего пару лет, и время подтвердило правоту Генерального секретаря, потому что началась перестройка, СССР, проиграв холодную войну, вообще перестал существовать, а сам марксизм-ленинизм ушел с авансцены науки.

В это время кризиса нашей социально-гуманитарной научной парадигмы, в это самое время на Западе выдающиеся философы, социологи, политологи, экономисты, филологи и другие гуманитарии не только ставили вопрос о том, что такое современность, но и создавали целую тематическую область, которую вот уже 40 лет все гуманитарии если не развивают, то, по крайней мере, не могут быть к ней равнодушными.

Эта область, в которой соприкасаются, с одной стороны, модерн, а с другой – постмодерн.

То есть, модерн, как Просвещение, как то, что мы как бы уже преодолели, оставили в прошлом.

А постмодерн – это современность, в которой мы живем.

Десятки людей об этом писали в мировой литературе.

Трудно даже выделить кого-то, но вместе с тем забыть кого-то можно, поэтому я не стану обременять вас перечнем имен.

Но не могу не назвать хотя бы нескольких выдающихся людей, имена которых нужно знать, работы которых переведены на русский язык, и с ними можно ознакомиться.

Это, например, Жан-Франсуа Лиотар и его работа «Состояние постмодерна» 1979 года.

Это Зигмунд Бауман, который долго занимался этой тематикой, но написал об этом книгу только в 1997 году.

Это Жан Бодрийяр с его «Обществом потребления», изданным в 1970 году, – совершенно классическая работа.

И наконец, Эндрю Гидденс, замечательный английский социолог, тоже много писавший о современности. Я сошлюсь здесь только на его книгу «Модернизм и самоидентичность» 1991 года.

По-разному эти люди анализировали современность, кто-то более описательно, кто-то более критично, но в любом случае картину современности они дали.

Вопрос в том, насколько они глубоко постигли закономерности этой современности. Здесь, конечно, есть серьезные сомнения.

Я попробую дать рабочую дефиницию тому, что такое современность как понятие социально-гуманитарных наук.

На мой взгляд, можно сказать, что современность означает собой проблемную ситуацию, в которой

оказывается общество вследствие подрыва и распада совокупности высших ценностей.

Обратите внимание, что «современность» – это проблемная дефиниция.

Это не просто описание того, что происходит сегодня, какие технологии развиваются, а какие нет.

Это всегда кризис.

Так вот, эти ценности, о которых мы говорим, раньше легитимировали социальный порядок, обеспечивали осмысленность некоторой общей картины мира у членов этих обществ и воспринимались как основа всей объективной реальности.

В разные эпохи реальность представляла в разных терминах: терминах мифа, религии, универсальных моральных заповедей, в образе законов природы или социально-экономических формаций, которые сменяли друг друга.

И если сослаться на еще одного выдающегося философа XX века Эдмунда Гуссерля, то можно сказать, что это сфера непроблематичных очевидностей, в которой мы живем. Какова она сегодня?

Сегодня мы совсем не удивляемся, что мы платим за товары и услуги банковской картой, смартфоном или вообще в онлайн-банкинге.

И к наличным обращаемся очень редко.

Апеллируя к известному анекдоту, я скажу, что сейчас клубнику в магазинах начинают продавать не летом, а в 8 часов утра.

Свободный рынок автомобилей, недвижимости, земли, труда, акций, облигаций и так далее сегодня кажется чем-то совершенно привычным.

Само собой, очевидной воспринимается возможность поехать за границу, если есть свободные деньги, время и нет коронавируса.

Но еще 35 лет назад, а это совершенно крохотная дистанция по историческим масштабам, всё вышеперечисленное было почти невысказуемо, по крайней мере, в нашем с вами обществе.

А то, что невысказуемо сегодня, завтра будет совершенно в порядке вещей.

Иногда говорят, что можно указать на некоторые крупные исторические события, которые символизируют наступление современности. Сигнализируют о том, что наступила какая-то новая эпоха.

Скажем, Лиотар или Бауман, люди, пережившие войну, воспринимают таким образом события Холокоста.

И появляется еще один мем, который пишется всегда в кавычках: «После Аушвица», то есть после Освенцима.

Это эпоха после Аушвица.

Какая эпоха? Это эпоха, когда разум, добро, красота более невозможны.

Почему? А потому, что невозможно совместить высокую степень технической рациональности, которая была продемонстрирована нацистами в уничтожении людей, с гуманистическим рационализмом эпохи Просвещения, наследниками которой мы себя мыслим.

Исходный пункт философии постмодерна можно сформулировать еще резче: человеческий разум не способен постичь бесчеловечность человека.

Другой пример: 11 сентября 2001 года, крупнейший террористический акт в истории человечества, в Нью-Йорке погибло свыше 3000 человек.

Он, конечно, несопоставим с Холокостом по числу невинно убиенных, но также нередко рассматривается как ключевое событие постмодерна.

Что он показал? Он показал, что в современном мире никто не может чувствовать себя в безопасности, даже если живешь в самой развитой, самой богатой стране.

Всё равно живешь прямо по Ульриху Беку – в обществе риска.

И нельзя не рисковать, живя в обществе риска.

А в ноябре 2019 года, конечно, почти никто из нас и вообще в мире не мог себе представить, что современное общество, оснащенное мощной технонаукой, испытает какой-то шок от так называемого грипповируса.

Помните, с каким юмором писал, вернее, пел Владимир Высоцкий об этом в своей замечательной песне:

*Очень вырос в целом мире
Гриппа вирус – три-четыре,
Ширится, растет заболевание.
Если хилый – сразу в гроб,
Сохранить здоровье чтоб –
Применяйте, люди, обтирания.*

Настолько это современно звучит, понимаете?

Если человек что-то сделал хорошее, то актуальность это сохраняет на века.

Так вот, я хотел бы привлечь ваше внимание к тому, что современность как постмодерн означает не просто новую эпоху, а означает то, что у нас под ногами буквально разверзлась пропасть.

В чем она состоит для человека, который пытается это осмыслить?

А состоит это в следующем: отныне известные закономерности развития общества не работают.

Причинно-следственные связи разорваны, время и пространство организованы иначе, чем прежде.

Реальность начинает рушиться под ногами.

Даже хуже: не только реальность изменяется, но и мы никак не можем понять, а как, собственно, дело обстоит?

Потому что все прежние способы познания социальных явлений оказываются неэффективными.

И отсюда, естественно, как раз и возникает та самая атмосфера всеобщего недоверия, о которой мы только что упоминали.

Это атмосфера страха, власти самых нелепых предрассудков.

И вместо науки, которая призвана давать знания, нас оккупируют, к сожалению, СМИ не самого лучшего пошиба, которые несут в массу своей постправду под видом объективной информации.

И тогда место реальности и истины занимают виртуальность и иллюзия.

Люди теряют не только ориентацию в действительности, но и собственную идентичность.

Я бы даже больше сказал: сегодня люди, которые занимаются социальными, гуманитарными науками, диагностируют кризис этих наук.

Потому что они указали на сложность современности, но только подступили к пониманию этой современности.

По большому счету, современные гуманитарные науки показали, установили по поводу постмодерна только то, что он слишком очевиден, чтобы быть понятным.

Мы так плотно включены в современную реальность, что не в состоянии набрать необходимую дистанцию.

Здесь опять парадокс.

Дмитрий Викторович говорил о том, что дистанция между народом и властью чересчур велика, не позволяет принимать правильные решения.

В науке, по крайней мере как считалось до недавнего времени, дистанция совершенно необходима: дистанция по отношению к изучаемому объекту.

И когда изучаемые процессы выступают, так сказать, как включенные в твою собственную жизнь, тогда мы испытываем большие трудности.

Каким образом тогда мы воспринимаем этот мир?

Мы его воспринимаем как часть нашего собственного бытия. Мы не можем различить, что реально, что не реально.

Вспользуемся физической аналогией.

Мы смотрим на след электрона в камере Вильсона.

Точнее, даже смотрим не на сам след, он почти сразу исчезает, а смотрим только на фотографию, мгновенную фотографию, которая запечатлела этот след электрона.

Мы уже не знаем, был ли там этот электрон – данный вопрос за пределами нашего понимания.

И далее, мы можем экстраполировать этот пример на современную социальную действительность.

Мы судим о реальном состоянии финансовой системы, извините, я не эксперт в этом деле, но у меня такое впечатление, что мы судим о ней по курсам валют.

О реальном состоянии мировой экономики нам сигнализируют цены на недвижимость в США.

Мыслимо ли это?

Почему о нефтяном рынке приходится говорить в терминах котировок фьючерсов?

Что касается точного количества реально добываемой и продаваемой нефти, то этого, скорее всего, мы просто не знаем и никогда не сможем узнать.

И наконец, обращаясь к актуальной проблеме коронавируса, мы понимаем, что самая последняя статистика того, как коронавирус распространяется, не отражает количества заболевших и даже не относится к сегодняшнему дню вообще.

Это сведения, которые нам сигнализируют о текущих возможностях медицинского обследования населения, более того, с временным лагом двухнедельной давности.

Итак, сегодня мы не имеем доступа к современной реальности.

Наши более или менее достоверные знания относятся лишь к прошлому.

Более того, мы знаем о прошлых эпохах сегодня значительно больше, чем их непосредственные свидетели, чем те люди, которые тогда жили. Михаил Михайлович Бахтин, выдающийся русский филолог, сформулировал замечательную фразу:

«Древние греки не знали, что они древние греки».

Понимаете? Так вот, мы сегодня тоже не знаем, кто мы такие.

Я уже сказал, что причина такого положения дел в том, что социальная реальность выступает для внешнего наблюдателя в качестве совершенно особенного объекта.

Если мы к этой реальности добавим признак современности, она начинает быть прозрачной и туманной одновременно. И в этом смысле, конечно, труднодоступна.

Мы помним эту крылатую фразу: «Большое видится на расстоянии».

Виктор Шкловский, филолог, Бертольд Брехт, театральные деятели, сценаристы, сформулировали понятие «остранение».

Это сделано, конечно, применительно к искусству.

Но термин применим и к познанию социальных явлений.

Надо отстраниться от реальности для того, чтобы ее познать. Георг Зиммель, Альфред Шюц – социологи, Альфред Камю – философ-экзистенциалист – апеллировали в этом смысле к образу чужака, постороннего.

Социальный ученый должен встать в позицию чужака. Должен вынести себя за пределы той реальности, которую он изучает.

Понимаете, если мы стоим на позиции той науки, которая развивалась до Аушвица, до современности, то мы действительно должны говорить о том, что объективное

познание предполагает дистанцию от объекта, а наука тогда – это какая-то башня из слоновой кости, которая дистанцирована от всего остального мира.

Она подобна сове Минервы, которая вылетает в сумерки, когда уже всё состоялось.

Это взгляд на реальность после того, как эта реальность случилась, но это не взгляд в реальное время.

Постмодерн требует от социальных наук нового самосознания.

Он очень существенно начинает колебать амбиции социальных наук.

И он указывает этим наукам на собственные границы.

Осознание этих границ – это, конечно, первый шаг за их пределы.

Мы сегодня не можем больше понимать науку как то, что дистанцируется от реальности.

Этого уже недостаточно. Этот шаг мы прошли.

Современность требует другой науки.

И в этой связи возникает тема «Наука и социальная практика».

Так вот, нелишним здесь будет напомнить о Марксе с его одиннадцатым тезисом к Фейербаху, где он указал на то, что нужно вообще-то изменять мир.

Каким образом подойти к этому вопросу? Опять же со ссылкой на Маркса.

Он говорил о том, что наука и основанная на ней техника выступают в роли локомотива эпохи.

Они революционным образом изменяют политику, экономику и культуру.

У него не было точно такой фразы, он говорил о том, что революции – локомотивы истории, но я перефразирую его слова и скажу, что революции в науке – это локомотивы истории.

У Маркса была фраза и по поводу того, что всеобщее общественное знание, то есть то знание, которое вырабатывается обществом в целом, иначе говоря, наука, превращается в непосредственную производительную силу.

И что мы можем видеть с этой позиции, если мы обращаем свой взор на современность?

Современность в самом деле оказывается не такой уж и загадочной.

Во-первых, мы в ней можем легко увидеть два пласта.

Первый и самый крупный, может быть, достигающий 70–80%, – это слой, который унаследован от прошлого развития.

Он постепенно эволюционирует, сохраняя при этом какие-то стабильные, неизменные черты.

Я рискну сказать, что практически вся сфера политики, экономики, идеологии, религии, искусства, морали, многочисленные социальные практики – это то, что унаследовано.

Это не то, что мы изобрели сегодня.

Второй пласт – это сфера современной науки и техники. Здесь, как уже сегодня говорилось много раз, изменения происходят с невероятной быстротой.

И они же провоцируют соответствующие сдвиги в других областях общественной жизни.

Наука и техника пронизывают и во многом определяют всё бытие человека.

Так вот, если мы видим какие-то изменения в политике, экономике, идеологии, религии, искусстве, морали и других социальных практиках, то с высокой степенью вероятности мы можем сказать, что здесь не обошлось без науки.

Потому что наука – это лидер современной культурной динамики.

И можно рискнуть на еще более провокационное утверждение и сказать, что, если вы хотите понять, что такое современность, не изучайте ничего, кроме того, как развивается современная наука и техника.

И если мы в самом деле начинаем ее изучать, то мы видим, как изменяется, принципиально меняется соотношение фундаментального и прикладного исследования.

Еще раз сошлюсь на Михаила Бахтина, он говорил немного в другом контексте об этом.

Он сформулировал такое понятие, как «участное мышление».

Как мне кажется, перспектива социальных наук в том, чтобы проникнуться участным мышлением, чтобы не смотреть на реальность с высоты башни из слоновой кости, а чтобы начать активно участвовать в процессе.

Другой такой мем я могу вам в этой связи привести: «Предсказывать реальное будущее – значит активно участвовать в нем».

Мне могут возразить: а что такое наука, чем она лучше всего остального?

Подумаешь, некий социальный институт.

У нас сегодня много социальных институтов. Каждый социальный институт отстаивает свои собственные цели, в первую очередь самовоспроизводства и так далее.

Но я вам отвечу на это так: наука – это как демократия, она несовершенна, но более надежного инструмента у нас нет.

У нас очень мало аргументов для того, чтобы надеяться на квалифицированный прогноз, предвидение, форсайт и так далее.

Для того чтобы выполнить такого рода процедуру, нужно проследить как можно больше последствий

прошлого и нынешнего положения дел, которые сегодня не видны.

Но если мы это будем делать, то встанем перед двумя вопросами.

Первый из них такой: каковы основания верить, что динамика процесса завтра будет такая же, как сегодня, где у нас основания для экстраполяции?

Мы так думаем лишь потому, что твердо верим в индукцию, которая, как известно, дает только вероятное, недостоверное знание.

И второе: мы попадаем в ловушку прогнозирования.

Мы просто фатально опаздываем с прогнозами, потому что мы хотим сначала проследить все последствия, логически вывести эти следствия, а на это требуется немало времени.

Поэтому жизнь в постмодерне должна строиться иначе - не как отстраненное размышление, а как актуальная практика.

И так же должна строиться социальная наука.

Сегодня мы говорили о том, как нам выстраивать прогнозирование, как нам уйти от идеи адаптации.

На эту тему уже много написано.

Стратегии адаптации противостоит стратегия проактивности, то есть активного включения в происходящее для направления изменений в желательную сторону.

И это тоже очередной парадокс: социальное предвидение перестает быть просто научной процедурой.

Оно сливается с социальным конструированием, а социальные науки становятся частью социальной практики.

Последняя аллюзия – парафраз известного изречения английского философа науки Имре Лакатоса, который, в свою очередь, повторил фразу другого:

«Философия науки без истории науки пуста, а история науки без философии науки слепа».

Применительно к нашей сегодняшней теме я бы сказал так:

«Социальная практика без социальной науки слепа. Социальная наука без социальной практики пуста».

Это ключ к пониманию современности, как мне кажется.

Спасибо за внимание!

СИНЕЛЬНИКОВ А.М.

к.т.н., финансовый аналитик

Я, прежде всего, хочу поблагодарить Илью Теодоровича за действительно очень интересный доклад.

Огромное Вам спасибо за пример с камерой Вильсона и упоминание концепции о соотношении материального и идеального – того, что существует вне нашей воли и сознания, и того, что отражается в нашей воле, сознании и является предметом социальных наук.

После Вашего выступления у меня сложилась целостная картина сегодняшнего мира в области денежно-кредитной политики, где я долгое время работаю.

Я имею в виду политику Центрального банка, так называемое инфляционное таргетирование.

Хочется отметить, что это два очень «загадочных» слова как с позиции перевода, так и с точки зрения понимания, что еще более важно.

Когда Вы упомянули камеру Вильсона, то в моей памяти сразу всплыли студенческие годы, а если точнее – годы учебы в аспирантуре.

Я вспомнил известный спор между идеалистами и материалистами, так скажем, вторую волну позитивизма – Маха, Авенариуса и примкнувшего к ним Пуанкаре (Григорий Перельман снова вернул нас к идеям этих ученых).

На мой взгляд, Вы заняли такую же позицию – некоего позитивизма.

Но главное, как оказалось, Центральный банк Российской Федерации тоже стоит на этой платформе неопозитивизма.

Поясню подробнее.

Все средства монетарной политики Центрального банка направлены на так называемую таргет-инфляцию, то есть на то, что не существует материально.

Это некий плод отражения в сознании, которым управляют, потому что то, что является на самом деле инфляцией, – это увеличение стоимости товаров, которые мы можем купить в магазине.

Древние говорили: не существует то, чего нельзя измерить.

Но ученые, в данном случае Пуанкаре, сторонником которого я являюсь, утверждал обратное: что существует только то, что на кончике пера и в нашем сознании.

И произошла эта аннигиляция электрона, о которой вы говорили, то есть кризис физической науки на рубеже XIX–XX веков сегодня повторяется кризисом в экономике.

На сегодняшний день это является темой всех докладчиков – кризисная ситуация в обществе, в науке и в прочих смежных областях.

Я благодарен вам, коллеги, что вы помогли мне сформулировать мысль о том, что с точки зрения философии Центральный банк строит свою деятельность на основе идей неопозитивизма.

ТОСУНЯН Г.А.

ак. РАН

Спасибо. Самое любопытное, что, действительно, когда Вы камеру Вильсона комментировали, то и у меня тоже возникли ассоциации с Центральным банком, но в совсем другой плоскости.

Вы говорили о том, чтобы оценить реальность, нужно от нее дистанцироваться.

Так вот, тут очень важен масштаб дистанции, потому что некоторые регулирующие органы настолько дистанцировались от реальности, что они ставят цели в своем слишком «виртуальном» представлении о проблемах участников рынка.

И Александр Михайлович обратил на это внимание. На одном примере «борьбы с инфляцией».

Но есть много и других примеров.

Мне очень приятно, что какие-то слова нашли резонанс в вашем сознании и в сознании наших коллег.

И я в первую очередь, говоря об этой ситуации в науке классического или неклассического периода, скажем, рубежа XIX–XX веков или начала XX века, имел в виду одну философскую проблему.

С одной стороны, наблюдая реальность только по её следам, мы дистанцируемся от этой реальности, и мы говорим о том, что вообще-то не только наблюдаемая действительность, но и воображаемая действительность имеет место.

Тем самым мы предполагаем существование электрона, хотя и опосредованно, видеть мы его не можем. Что это – дистанцирование от действительности или, наоборот, включенность в нее?

В квантовой механике без нашего наблюдения реальность не существует, потому что некому стукнуть фотоном по электрону.

Наши когнитивные конструкции есть часть реальности, понимаете?

Мы как раз эту реальность и разрываем, когда уже ньютоновский наблюдатель смотрит на падение твердого тела, он никак с этим твердым телом и с его падением не связан, не влияет на них.

В этом случае все равно, есть ли наблюдатель: тело падает само по себе.

В социальных науках совсем не всё равно, есть ли ученый и что он говорит об объекте.

Это уже другой способ дистанцирования от объекта, не такой однозначный.

Мы вынуждены одновременно отстраниться от него и слиться с ним.

Примером является психотерапевтическая практика. Но если всмотреться повнимательнее, то социолог или ученый-экономист включен в аналогичную систему отношений.

Во-первых, хотел поблагодарить, Илья Теодорович, я много чего для себя нового услышал в каком-то смысле.

Эта Ваша мысль о том, что должна быть и теоретическая, фундаментальная часть науки, и прикладная, иначе наука пуста... Так вот, она нам, технарям, давно понятна, и об этом мы говорим студентам и лекции читаем.

Я сегодня это услышал, и понял, насколько мы, несмотря на всё, в одном мире живем.

И хочу сказать, что ведь наблюдатель меняет процесс, как известно из школьных познаний физики, поэтому инструменты наблюдения должны быть очень продвинутыми, и они сами по себе требуют свертехнологий.

И сегодня, мне кажется, то, о чем мы говорим, одна из составляющих этой междисциплинарности – это то, что, в частности, ИТ может быть тем самым инструментом для гуманитарных наук, и этим совместно нужно заниматься.

Даже наблюдение за социумом, те эксперименты, которые были, показывают, что все опросы оказываются неверными, потому что человек, которого опрашивают, понимает, что его опрашивают, и отвечает не так, как нужно.

Есть, например, такие направления, когда в компьютерные игры добавляют персонажа специально, чтобы выяснить настоящую точку зрения людей или даже их психосоматические какие-то истории и так далее.

И в этой области у нас вообще работ нет, то есть они ведутся только в Штатах сейчас. Сегодняшний разговор поможет в эту сторону посмотреть.

СИНЕЛЬНИКОВ А.М.

к.т.н.

Сделаю небольшое замечание. Мы начали обсуждать соотношение реального и наблюдателя, который, собственно, меняет предмет наблюдения, но это не совсем так.

Во-первых, как ни странно, я вдруг себя почувствовал твердым марксистом-ленинцем. Помните то самое замечательное выражение, которое у нас было в институтах на каждом этаже, на каждом пролете висело: «Электрон так же неисчерпаем, как атом».

И в данном случае я стою на позиции Владимира Ильича, на глубоко материальном восприятии действительности, но кто я такой?

Главное, что на эту позицию, как вы помните, встал не кто-нибудь, а основоположник квантовой механики – Вернер Гейзенберг.

То, о чем вы сегодня говорили, он подверг анализу самым подробным образом и сделал вывод, что не наше сознание и не наблюдатель меняют предмет наблюдения.

Наблюдатель только фиксирует одно из бесконечного числа этих состояний – это хорошо известный парадокс.

Возьмём мысленный эксперимент Шрёдингера.

Кот Шрёдингера существует в бесконечном количестве вероятностных состояний, а мы, как наблюдатели, только можем зафиксировать одно из них («жив» или «мёртв»), но при этом материальность мира не исчезает.

Ушаков Д.В.: Уважаемые коллеги, я бы хотел задать вопрос.

Присоединяюсь к самым высоким оценкам глубокого доклада Ильи Теодоровича, но все-таки хочу вернуть всех

нас к анализу сегодняшнего дня, в том числе нашей реальности.

Возьмем для примера экономистов.

У экономистов есть модели, модели протекания естественных процессов, на основании которых они делают прогнозы, соответственно, предполагая, что будет с экономикой через какое-то время.

Но эти естественные процессы складываются из свободных действий людей.

Люди решают, как им быть, как действовать, но оказывается, что их действия уже заранее предсказаны моделями.

Возьмем, например, число самоубийств.

Самоубийства – это результат какого-то экстремального, сознательного решения человека.

Тем не менее, когда у нас есть статистика, мы можем обучить нейросеть, чтобы она могла предсказывать, сколько самоубийств будет в 2020 году, в 2021-м, 2022-м и так далее.

Каким образом в Вашем анализе рассматривается то, что мы с нашими действиями находимся внутри естественно протекающих процессов?

И каким образом анализ современности, о котором Вы говорили, соотносится с возможностью поместить нас внутрь этих естественных процессов?

Касавин И.Т.: Дмитрий Викторович, спасибо большое за интересные вопросы.

Я должен с Вами по поводу экономического предсказания немножко пополемизировать.

Дело в том, поправьте меня, коллеги, если я ошибаюсь, насколько мне известно, ни один экономический кризис XX века не был спрогнозирован экономистами.

Они не смогли их предвидеть.

Это ли не свидетельство того, что экономика не обладает надежными инструментами прогнозирования?

Я не хочу сказать, что экономисты все такие неудачники в науке. Это относится, на мой взгляд, ко всем ученым в области социальных наук. Не всё так просто в действительности с прогнозированием, и я попытался уже об этом сказать.

Я говорил о том, что для того, чтобы прогнозировать, надо выводить закономерности как следствия из некоторого события, которое должно привести к будущим изменениям. Но, чтобы выводить такие следствия, надо обладать аппаратом.

Сегодня в основном пользуются довольно-таки несовершенными аппаратами.

Представьте себе, что мы живем в монотонно развивающемся мире, тогда что-то предсказать можно, например, экстраполировать на будущее некоторые статистические данные.

А если мир резко меняется?

Как мы можем предсказать тогда?

Не очень это понятно. Тогда возникают такие прогнозные модели, как сценарное прогнозирование, форсайт и пр.

И нам предлагают не какой-то прогноз, который позволяет действовать реально.

Не говорят: «У меня есть научная теория в качестве основания, я сейчас буду её реализовывать, внедрять».

Напротив, нам предлагают целый спектр прогнозов, они могут быть позитивные и негативные, разные, а мы должны выбрать.

Однако, чтобы квалифицированно выбрать из этих прогнозов верный, нужно опять сделать прогноз, а это типичная ловушка прогнозирования - дилемма эксперта.

Один эксперт говорит: «У меня есть спектр прогнозов», а другой эксперт должен взять и выбрать между этими прогнозами, которые он сам не делал? Это невозможно.

В этом смысле методология прогнозирования чрезвычайно несовершенна, она не дает никакой возможности надеяться даже на то, что прогнозы – это работающие инструменты.

Тосунян Г.А.: Смотря что назвать прогнозом.

Здесь хочется с Вами поспорить, потому что, насколько я помню, в конце 70-х – 80-е годы академик Аганбегян, тогда будучи одним из самых молодых академиков, в одном из своих докладов сказал, что если Советский Союз будет развиваться с темпами роста ВВП ниже 4%, то это неизбежно приведет к очень серьезному экономическому кризису.

Абел Гезевич, я могу Вас не очень точно цитировать, Вы тогда меня поправьте.

Но мы видим, что Абел Гезевич уже тогда очень деликатно, но очень точно спрогнозировал фактическую ситуацию. Понятно, что развал страны – это уже как производная.

Точно так же в сегодняшних работах Абеда Гезевича очень четко показано, что при той инвестиционной политике и при той денежно-кредитной политике, которая проводится, совершенно очевидно мы обеспечиваем себе стагнацию еще на ближайшие 5 лет.

Наши экономисты не в состоянии прогнозировать?

Но это не совсем объективно.

Может быть, Вы уточните свою позицию.

Касавин И.Т.: Да, я уточню тогда, что я имел в виду под «прогнозированием».

Наверное, наши понятия несколько расходятся.

Если речь идет о том, что мы можем прогнозировать некоторые тенденции, то с этим я не спорю.

Я говорил уже о сценарном прогнозировании. Тенденции мы прогнозировать можем, но, если прогноз понимать так: сегодня, 18 апреля, у нас такое-то положение дел, скажем, в экономике, в конкретной области, а через полгода у нас наступит такое-то положение с количественными показателями. И я сомневаюсь, что такие прогнозы возможны.

Тосунян Г.А.: Илья Теодорович, извините, ну даже в естественных науках, в частности, в квантовой механике, невозможно определить одновременно местонахождение частицы и её скорость.

Там реализуется принцип неопределенности Гейзенберга, который утверждает, что определять возможно только интервалы координаты частицы и ее скорости. Что произведение этих неопределенностей по координате и по импульсу больше половины постоянной Планка.

Поэтому даже в естественных науках нет абсолютного знания местонахождения элементарной частицы и ее скорости, что говорить об экономическом прогнозировании.

Международный валютный фонд и Всемирный банк собрали выдающихся современных экономистов на семинар обсудить, что происходит в мировой экономике, пригласили председателей национальных банков.

Все выступили, и был консенсус относительно того, что современная экономическая наука не может предсказать кризисы.

Консенсус заключался в следующем: да, мы не умеем предсказывать кризисы, но, когда кризис случится, мы можем объяснить, что произошло.

И с этой точки зрения я поддерживаю тезис Ильи Теодоровича относительно экономических наук и способности экономической науки.

Второе, что кажется мне очень важным, здесь речь зашла об инфляционном таргетировании, именно о вовлеченности субъектов в эти реальные процессы.

Сложность в чем заключается?

Современная концепция центральных банков по инфляционному таргетированию строится на концепции ожиданий.

Все участники рынка следят за поведением Центрального банка и за тем, как Центральный банк объявляет свое решение о процентных ставках, сама процедура вся эта очень детально прописана.

Почему? Потому что это формирует ожидания у субъектов, вовлеченных в эту хозяйственную деятельность.

И здесь дистанцирование по отношению к изучаемому объекту, проблема, которую поднимает Илья Теодорович, это фундаментальная проблема.

Современная экономическая жизнь обустроена таким образом, что мы – в этом процессе, и на наше поведение влияют регуляторы, именно поэтому возникает сложность.

Следующий тезис, который обозначил Илья Теодорович, тоже очень важный, что, если мы хотим что-то понять, мы должны быть вовлечены в процесс этих изменений, и тогда мы можем объяснить, что было раньше.

В общем, замечательное выступление, спасибо огромное.

Разрешите, пожалуйста, сказать несколько слов о прогнозировании.

Самое сложное – прогнозировать развитие страны в период стагнации или низких тормозящих темпов социально-экономического развития.

Потому что предвидеть, смогут ли они ускорить свой рост или, напротив, пойдут в рецессию, сложно, так как это зависит от системы мер, притом мер коренных, кардинальных, которые должна предпринять страна, чтобы выскочить из этого положения.

При этом низким темпом мы считаем социально-экономический прирост ВВП у большинства стран мира ниже общемировых показателей – 3% в год.

Социально-экономическая картина мира неоднородна и контрастна наряду со странами с быстрым и даже сверхбыстрым ростом (последние составляют 10% от числа всех стран мира), есть гораздо большее число стран, которые развиваются темпом ниже общемирового, то есть 3–3,5% ежегодно.

В этих странах наблюдается торможение. Выделим страны, где торможение проходит последние 30 лет.

В первую очередь к ним относится Россия, где ВВП за 30 лет увеличился только на 15%, и среднегодовой темп составил менее 0,5%.

При этом весь этот рост связан с дополнительным притоком валюты в Россию из-за 10-кратного роста цен на главный экспортный товар страны – нефти и продуктов её переработки, приносящий в своё время более половины экспортной выручки.

Медленнее других групп стран в последние 30 лет развивались крупные страны Европы.

Среднегодовые темпы в последние 30 лет в Италии составляли около 1%, во Франции – 1,5 в Великобритании и Германии – по 2, в Испании – 2,5. За 30 лет эти страны увеличили ВВП всего на 80%.

Мы называем эти темпы медленными, поскольку в среднем мировая экономика в этот период возростала по 3–3,5% в среднем за год.

Самое сильное торможение в последние 30 лет продемонстрировала Япония, которая до 90-х гг. прошлого века была одной из стран с самыми высокими темпами социально-экономического развития до 70-х гг.

С 80-х гг. темпы снизились вдвое, до 4,5% за год, но были всё же существенно выше общемировых, а спад в развитии, резкое торможение началось с 90-х гг., когда за 10 лет до 2000 г. социально-экономический рост сократился до 2,5%, в первое десятилетие 2000-х гг. до 1%, а после 2010 г. рост практически прекратился.

Но всё это произошло при самом высоком уровне социально-экономического развития, который постепенно перестал расти, но не снизился.

Во многом это связано, по-видимому, с ухудшением управления экономикой, прекращением стратегического народно-хозяйственного планирования, снижением стимулов социально-экономического роста, сокращением доли инвестиций в основной и человеческий капитал в ВВП.

Это произошло из-за финансового краха в конце 80 – начале 90-х гг.

Нулевой ссудный процент в Японии стимулировал предприятия и население в массовом масштабе привлекать займы, покупая на них ценные бумаги, стоимость которых растёт на фондовой бирже.

Видя формирование «финансового пузыря», ЦБ Японии ограничил предоставление займов, поднял процентную ставку.

«Пузырь» лопнул.

Возник банковский кризис, произошла консолидация банков, их осталось всего 4, объём кредитования сократился, экономический рост прекратился.

В этот период США развивались по 2,5–3% в среднем в год. И объём ВВП здесь увеличился более двух раз.

Также увеличилась экономика Мексики и немного ниже Аргентины и Бразилии (в среднем по 2,5% за год).

Страны с низкими темпами социально-экономического развития – ниже среднемирового роста – характеризуются в основном эволюционным характером развития без существенных реформ с устаревающей материально-технической базой, низкой долей инвестиций в основной и человеческий капитал (около 20% ВВП) и ещё ниже по доле сферы «экономика знаний» в ВВП.

Столь низкие инвестиции в основной и человеческий капитал с трудом обеспечивают даже простое воспроизводство и не выводят страну на прогрессивный, отвечающий современным условиям уровень социально-экономического роста.

Отдельные страны тормозят своё развитие из-за коррупции, неразвитости рыночных институтов, низкого уровня управления, ошибочных решений, излишней долговой нагрузки, инфляции, низкой занятости населения, необоснованного огосударствления и т. п.

Напротив, страны с быстрым ростом экономики и тем более сверхбыстрым развитием (по 5–10% прироста ВВП в среднем в год) идут вперёд благодаря более успешной

адаптации к изменяющимся условиям, прогрессивным сдвигам в структуре развития, обеспечивая приоритетность высокотехнологических отраслей, своевременного обновления устаревающих машин и оборудования, систематического перехода к передовым технологиям, производству более качественных изделий и оказанию интеллектуальных услуг, особому вниманию к повышению качества человеческого капитала при преимущественном развитии сферы «экономика знаний», которая становится всё более важным фактором социально-экономического роста.

Ежегодный прирост ВВП, характеризующий темпы социально-экономического развития, существенно зависит от уровня экономического развития.

Общей закономерностью являются более низкие темпы роста развитых стран с самым высоким уровнем экономики и социальной сферы по сравнению с развивающимися странами, чей уровень экономического развития (ВВП на душу населения) обычно в разы ниже. И это понятно.

Первопроходцу идти вперёд всегда труднее, поскольку он не может использовать чей-либо опыт, перенять нововведения, которые обеспечат рывок в его развитии.

Догоняющее развитие обычно бывает более быстрым, так как отстающие страны имеют большие резервы и возможности подняться вверх, используя уже апробированные передовые технологии.

Особенно ярко это продемонстрировала Япония, которая в отличие от других стран, чтобы сделать сильный рывок вперёд, детально изучила опыт США, скупив патенты, изучила условия ускоренного роста производительности труда и потом всё это умело

претворила в жизнь, достигнув невиданных до этого темпов экономического развития крупной страны.

К тому же спрос в развитых странах по потреблению традиционных продуктов и услуг уже насыщен, и прирост многих из этих продуктов попросту не нужен.

Важно поддержать их уровень в соответствии со спросом, который не растёт.

И поэтому развитые страны обеспечивают прирост за счёт новой высокотехнологической продукции и высокоинтеллектуальных услуг, всё новых и новых, а не всей экономики.

А спрос на многие традиционные продукты в развивающихся странах далёк от удовлетворения.

И у них рост обеспечивается намного большим количеством отраслей производство.

Развитые страны вступили в период постиндустриального развития, когда главной сферой экономики стала сфера интеллектуальных услуг, прежде всего сфера «экономики знаний» (НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение), которая в развитой Европе составляет 30% ВВП, а в Америке – даже 40.

А удельный вес промышленной продукции сократился до 20–25% (а не 30–40%, как в развивающихся странах и странах с переходной экономикой), доля сельского хозяйства занимает 1–3%, немногим выше доля строительства.

И эти традиционные сферы растут медленно, только за счёт высокотехнологических нововведений, в то время как по многим традиционным продуктам идёт сокращение производства, например по угольной промышленности, производство многих видов продовольствия, лёгкой промышленности, чёрной металлургии и др.

Всё больше сил и средств в социально-экономическом развитии развитых стран направляется не на рост, а на качественное совершенствование, обновление, преобразование, нацеленное на улучшение жизни, на рост ожидаемой её продолжительности, увеличение не площади жилья, а его качества, благоустройства.

Поэтому рост 1,5–3% ежегодно в основном за счёт высокотехнологических продуктов и интеллектуальных услуг стал типичным для развитых стран.

У них нет таких нерешённых проблем, как в развивающихся и постсоциалистических странах, где ещё недоразвита инфраструктура, где велика доля устаревшего оборудования и технологий, где надо улучшать обеспеченность жильём, где люди недостаточно ещё потребляют качественное продовольствие – мясные и молочные продукты, рыбу и фрукты.

Требуется больше вложений, выше должна быть доля инвестиций в основной и человеческий капитал.

И за счёт этого они растут вдвое-втрое быстрее. В среднем развитые страны в последние десятилетия увеличивают производство на 2–2,5%, а развивающиеся страны – на 5–6%.

У развитых стран доля инвестиций редко превышает 20%, но не бывает 25, 30, 35%.

А в развивающихся странах в среднем доля инвестиций в основной капитал составляет 30–35%. А в Китае для его сверхбыстрого развития эта доля в последнее время составила 43%.

А до этого была ещё выше.

В разные периоды отдельные капиталистические страны, естественно, встречаются с определёнными трудностями, барьерами, мешающими их развитию.

Например, США и Великобритания практически стагнировали целое десятилетие в 70-х – начале 80-х гг. прошлого века.

В последние 10 лет мы видим сильное торможение в Японии, Италии и Франции среди развитых стран.

И у них поэтому тоже моментами возникает вопрос об удвоении и утроении темпов социально-экономического роста, чтобы преодолеть стагнацию, сохранить свой высокий уровень, остаться лидером в приоритетных для себя областях.

Рассмотрим поучительный опыт здесь на примере преодоления стагнации 70-х гг. в США и Великобритании.

Как известно, после кризиса начала 70-х гг. прошлого века в США произошёл переход к стагнации из-за кратного повышения цен на нефть со стороны Саудовской Аравии и стран ОПЕК и удорожания продовольствия из-за нескольких неурожайных лет.

Попытки преодолеть возникшую стагфляцию со стороны президента Г. Форда, а потом президента Д. Картера, когда при отсутствии экономического роста и высокой безработицы при двузначной инфляции страна перестала двигаться вперед, только ухудшили положение.

Это были антикризисные традиционные программы, которые не работают в условиях стагнации, а, напротив, ухудшают её, переводя стагнацию в рецессию, которая возникла в США в начале 1980-х гг. Г. Форд и Д. Картер не были переизбраны на второй срок.

В 1980 г. к власти пришёл президент Рональд Рейган, который заменил всех советников предыдущих президентов-кейнсианцев на сторонников монетаристского

учения Милтона Фридмана, сделавшего ставку на сокращение роли государства и предоставления большей возможности рыночным стимулам развить экономику.

На рекордные 750 млрд долларов были снижены налоги, в том числе подоходный налог на 30%, а налог на прибыль компаний с 48 до 34 процентов.

Двое были сокращены амортизационные нормы, увеличены инвестиции за счёт амортизации и инвестиционного кредита при сниженной процентной ставке.

Это стимулировало обеспеченную часть населения вложить крупные средства в высокодоходный инвестиционный бизнес, развить высокотехнологические отрасли и инновации и начать массовое техническое перевооружение экономики США, переведя её на инновационный путь развития.

На этой базе был преодолен период стагнации и рецессии – среднегодовые темпы повышены до 4%, уровень безработицы снижен с 10,8 до 5,5 процента и инфляции с 13,5 до 3,4 процента.

Возник бум строительства недвижимости, сформированы крупные инновационные фирмы по информационным технологиям, полупроводникам, компьютеризации, биотехнологии и высокотехнологической медицине, авиационной и космической промышленности.

И в течение 25 лет, вплоть до кризиса 2007 г., США двигались вверх с отдельными непродолжительными спадами и даже небольшой рецессией, но без сколь-нибудь крупных кризисных потрясений.

Идею «рейганомики» восприняла новый премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер, выбранная в 1979 г.

За 11 лет своего премьерства она подняла увядающую экономику Великобритании, где лейбористы национализировали часть отраслей, сохранили убыточную угольную отрасль и другие отсталые сферы, ввели ограничения на финансовом рынке, подняли налоги.

И Англия по объёму экономики (размеру ВВП) уступила первенство в Европе Франции и Германии.

М. Тэтчер восстановила роль Великобритании как мирового финансового центра, проведя его либерализацию, закрыла убыточные шахты, несмотря на забастовки, ввела умеренную платность обучения, вызвав соответствующий протест со стороны образовательных кругов, приватизировала значительную часть ранее национализированных отраслей и предприятий.

Инфляция была снижена с 18 до 8 процентов, безработица сокращена с 9,8 до 6 процентов, ставки налогов с прибылей компаний сокращены более чем вдвое.

Всё это повысило темпы роста Великобритании, которая опередила Францию, и заложило основы дальнейшего социально-экономического роста.

Чтобы перейти от стагнации к социально-экономическому росту, основополагающим и первостепенным является организация финансового форсажа прежде всего к инвестициям в основной и человеческий капитал.

На это нужно настроить всю финансовую систему, и прежде всего банки и внебанковские фонды длинных денег.

Никому в мире не удавалось достичь высоких темпов развития экономики и социальной сферы без таких коренных изменений.

Яркий пример – опыт Китая, Японии и Южной Кореи, показатели которых применительно к периоду достижения ими сверхвысоких темпов приведены в таблице.

Показатели	Япония 1950–1970 гг.	Южная Корея 1960–1980 гг.	Китай 1980– 2010 гг.
Рост ВВП в % в среднем за десятилетие	225	201	235
Монетаризация экономики Деньги в % к ВВП в начале периода в конце периода	45 109 (1990 г.)	10 117 (2000 г.)	36 182
Доля инвестиций в % к ВВП: в начале периода в конце периода	19 36	11 37 (1990 г.)	29 46
Кредит в % к ВВП: в начале периода в конце периода		9 103	39 172
Ссудный процент: в начале периода в конце периода	9 2 (2000 г.)	18 6 (2000 г.)	9,5 (1990 г.) 6
Инфляция в % в год: в начале периода в конце периода	6,6 3,1 (1990 г.)	15 (1970 г.) 2,3 (2000 г.)	3,1 (1990 г.) 0,3 (2000 г.)

Ускоренный экономический рост, как видно, обязательно связан со значительным повышением доли инвестиций в процентах к ВВП.

Во многом это повышение связано с кратным ростом инвестиционного кредитования при снижении ссудного процента.

Для этого, естественно, как видно из данных таблицы, нужно в разы снизить инфляцию.

Конечно, каждая страна имеет свою специфику, но есть общие закономерности, общие тренды перехода к инновационному развитию.

Специфика России прежде всего заключается в трёх её отличительных чертах, в том числе от указанных выше стран.

Россия очень протяжённая страна, и она сильна своими регионами.

Нельзя разогнать экономику России без реформы регионального управления, которая должна стимулировать социально-экономический рост регионов, заинтересовывать их.

Для этого их надо перевести на систему самокупаемости, самофинансирования и самоуправления, а не сохранять для подавляющей их части худшую дестимулирующую систему дотаций, которая существует у нас в стране.

При этом две трети регионов перечисляют в центр налогов и обязательных сборов намного больше, чем получает трансфер от центра.

Поэтому переход на самокупаемость для большинства регионов может быть осуществлён в ближайшее время.

В дальнейшем потребуется изменение давно устаревшего административно-экономического деления страны.

Вместо 83 регионов, совершенно неоднозначных, следовало бы перейти к 20–30 относительно сбалансированным крупным губерниям при сохранении автономных республик.

Другая специфика России – отсталость социальной сферы, не отвечающей требованиям цивилизованной рыночной экономики.

Ведь 85% налогов и обязательных сборов в России уплачивают предприятия и организации и менее 15% – население.

Результата три.

Уровень заработной платы из-за низких налогов и отсутствия обязательных платежей крайне низок и не стимулирует работающее население к труду.

С другой стороны, отсутствие взносов на пенсию и по страховке здоровья является причиной их сниженного уровня со всеми вытекающими отсюда последствиями.

С третьей стороны, чрезмерная налоговая нагрузка на предприятия и организации лишает их достаточных средств для своего развития.

Они не заинтересованы вкладывать средства в нашу страну.

А заинтересованы отправлять их на счета банков, в том числе иностранных, и в офшоры, что позволяет платить меньше налогов и сборов.

Тормозит социально-экономическое развитие страны и чрезмерное социальное неравенство, огромная разница в доходах и распределении активов между богатыми и бедными. 10% высокообеспеченного населения имеют душевой доход около 120 тыс. руб. в месяц, а 10% бедного населения – около 6 тыс. руб.

Разница в 15,4 раза (2019 г.).

В сравнении с менее 10 в среднем в ЕС, 8 – в Германии, 6 – в странах социал-демократической ориентации в Северной Европе и 4,6 раза в Японии.

В советской России эта разница составляла 3 раза.

Поэтому в отличие от других стран, чтобы добиться ускоренного социально-экономического роста, нужно провести коренные реформы социальной сферы, приведя в соответствие её структуру с требованиями рыночной экономики.

Необходимо, на наш взгляд, ввести нормальный налог на недвижимость для населения с льготами для малообеспеченных, обязательный взнос в накопительные пенсии в период трудового стажа, как это существует во всех рыночных странах, даже в Казахстане.

Участие населения во взносах с зарплаты на оплату части страховки по здравоохранению и др.

Для сокращения социального неравенства целесообразно ввести серьёзный прогрессивный налог при полном освобождении от налогов малообеспеченных слоёв населения, как это принято в большинстве стран мира, и ввести повышенные налоги для предприятий и организаций, которые производят товары и услуги, недоступные не только малообеспеченным гражданам, но и среднему классу и предназначенные только для богатых.

И напротив, снизить налоги тем, кто производит товары и услуги надлежащего качества для широких слоёв населения.

В крупном реформировании нуждается система здравоохранения, показатели которой являются худшими в мировых рейтингах из всех экономических и социальных показателей у России.

В частности, в 2019 г. по уровню финансирования здравоохранения в России в процентах к ВВП из 189 стран, по рейтингу ООН, Россия занимала примерно 140-е место.

Сказанное относится и к образованию, где доля расходов к ВВП на эти цели занимает 120-е место в подобном же международном рейтинге.

И третья отличительная особенность России – высокая коррупционность.

Значительные финансовые средства используются не по назначению.

Значимый социально-экономический рост в России возможен только на базе научно-технологического перевооружения всего нашего народного хозяйства при переходе на инновационный путь развития.

В этом нужно заинтересовать предприятия и организации.

О радикальном увеличении доли частного сектора и восстановлении конкурентной среды было сказано выше.

Нужно ввести также дополнительные стимулы.

Предлагается освободить от налога ту часть прибыли предприятий и организаций, которые направляются на инвестиции в основной и человеческий капитал.

Это увеличит инвестиции, по расчётам, на 1 трлн руб., поскольку они составляют более половины от всех инвестиций в стране.

Дополнительный стимул к технологическому перевооружению – сокращение в 1,5–2 раза сроков амортизации, что увеличит амортизационный фонд, а значит, и объём инвестиций в основной капитал из этого фонда.

И третья мера – введение налоговой паузы и предоставление таможенных и административных льгот предприятиям и организациям в период технологического перевооружения, в котором нуждаются две трети из них.

Такие же стимулы нужны при создании новых производственных мощностей в высокотехнологических отраслях, по доле которых в ВВП мы отстаем в 3–4 раза от развитых стран.

Крайне важным является преимущественное инвестирование с помощью заёмных средств – инвестиционного кредита с низкой процентной ставкой.

Ведь окупаемость проектов по технологическому перевооружению действующего производства составляет 5–7 лет, и использование здесь крупных заёмных средств эффективно при ставке не выше 5%.

Окупаемость создания новых производственных мощностей в высокотехнологических производствах в среднем составляет 10–12 лет, и здесь ссудный процент должен быть снижен до 4 и менее процентов.

Наибольший срок окупаемости при создании современной транспортной инфраструктуры, например скоростных железных дорог, двусторонних автомагистралей, создание региональных и местных аэропортов и др.

Здесь окупаемость 20–25 лет, и возвратные инвестиционные средства целесообразно предоставлять под 3 и менее процента годовых.

Кстати, многие инфраструктурные объекты в Китае, а он построил большое число мостовых переходов, 50 тысяч километров скоростных железных дорог, осуществляются с помощью банковских долгосрочных кредитов.

Чтобы перейти к столь низкому ссудному проценту, без которого не может быть организован ускоренный социально-экономический рост, как показал международный опыт, предстоит снизить инфляцию до 2–3% ежегодно и соответствующую ключевую ставку ЦБ.

Важно понять, что Центральный банк самостоятельно не способен серьёзно повлиять на это, так как более чем

наполовину инфляция в России не носит монетарный характер, а связана с изменением затрат, на уровень которых ЦБ не влияет.

И только совместные действия правительства и Центрального банка при стимулировании бизнеса помогут это сделать.

Здесь нужна специальная президентская программа, рассчитанная на 3–5 лет.

А в этот период целесообразно за счёт средств бюджета возмещать банкам часть процентной ставки на инвестиционный кредит при его предоставлении на окупаемые эффективные проекты по сниженным ставкам.

Эти средства легко изыскать в бюджете, если окупаемые проекты бюджета, а это большинство проектов по статье «Национальная экономика», перевести на низкопроцентное инвестиционное кредитование.

По нашим расчётам, таким образом можно высвободить 5 трлн из 35 трлн руб. общего консолидированного бюджета, федерального и регионального.

В заключение отметим, что Россия, в отличие от Китая, Японии, Южной Кореи и многих других стран, которые совершили сверхбыстрый рывок вверх в социально-экономическом развитии, имеет лучшие условия для этого.

Россия более развита, чем был исходный уровень указанных выше стран.

Активы её банковской системы превысили ВВП.

А «государственный» Сбербанк, подчинённый правительству, имеет активы в размере консолидированного бюджета всей страны и один легко может предоставить огромную сумму инвестиционных кредитов.

Их объём должен быть увеличен по крайней мере втрое в ближайшие несколько лет и в пять раз до 2030 г.

На цели инвестиционного кредитования можно использовать до половины золотовалютных резервов России, объём которых значительно вырос в последние 5 лет и которые превзошли даже объём золотовалютных резервов США.

К тому же наше государство имеет минимальные долги: внешнеэкономический долг России 4%, а не 85, как в ЕС, и не 110, как в США к ВВП.

Что касается суммарно внешнего и внутреннего долга, то в России он составляет менее 20% ВВП, а не превышает объём ВВП, как в США и Европе.

В Японии такой суммарный долг выше ВВП в 2,5 раза, а в Китае в 2,6 раза.

Поэтому наше государство может заимствовать и на внешнем, и на внутреннем рынке достаточные средства, для того чтобы перейти к финансовому форсажу даже в условиях санкций.

России намного легче, чем в своё время Японии, я не говорю о Южной Корее и Тайване, добиться рывка в научно-технологическом плане, ибо мы являемся страной с относительно высоким развитием науки, образования (33-е место в мире, опережая ряд развитых стран в международном рейтинге по качеству образования).

В нашей стране немало технологически продвинутых отраслей, прежде всего оборонная промышленность.

Всё дело в организации и управлении.

Нужно поднять качество государственного управления, сменить его вектор на переход к социально-экономическому росту, перейти по примеру других стран к стратегическому народно-хозяйственному пятилетнему планированию, модерни-

зируя, естественно, его к условиям рыночной экономики.

Всё это вселяет оптимизм в возможность к 2025 г. достичь 25-процентной доли инвестиций в основной и человеческий капитал в ВВП, что обеспечит 3–4-процентный устойчивый рост экономики и социальной сферы в среднем в год.

К 2030 г. норму инвестиций в ВВП можно поднять до 30%, а при хорошей организации – к 6-процентному годовому росту.

При этом за 10–15 лет мы сможем достичь технологического, экономического и социального уровня развитых стран и восстановить сохранность народа с естественным приростом населения страны, увеличенной до 80 лет ожидаемой продолжительностью жизни, поднять качество здоровья нации.

ТОСУНЯН Г.А.

ак. РАН

У нас уже присутствует Михаил Владимирович, который должен был начать сегодня наше обсуждение с того, что происходит на «земле», но он завершит его.

То есть не завершит, а сделает свой доклад, и мы продолжим обсуждение.

Михаил Владимирович Волков, «Приор-Внешторгбанк», город Рязань.

Я уже подчеркивал, что это тот самый банк, который был создан 30 лет назад, в период, когда надо было поддерживать, в том числе не только бизнес, но и оборонные предприятия.

Волков с коллегами силами банка оказали эту поддержку, дали возможность этим предприятиям развиваться в 90-е тяжелые годы.

А когда наступили уже 2014, 2015, 2016 годы, то некоторые административные органы решили, что эти предприятия, теперь уже хорошо стоящие на ногах, должны обязательно обслуживаться в банках с госучастием...

Это один из тех наших «современных» элементов управления, который вызывает у многих из нас недоумение!

Тем не менее банк устойчиво продолжает и будет работать дольше многих других, я надеюсь.

А сейчас Михаилу Владимировичу слово.

10-12 минут, чтобы Вы нам описали за этот короткий промежуток времени ситуацию с Вашими клиентами, с бизнесом, с безопасностью и со всем остальным.

Пожалуйста, Михаил Владимирович.

Доклад V

ВОЛКОВ М.В.

первый заместитель председателя правления, член совета директоров «Прио-Внешторгбанка»

Уважаемые коллеги, я представляю славный русский город Рязань и сразу хочу оговориться, что по первому образованию инженер, и, соответственно, мои подходы к обсуждаемой теме – инженерные.

В моей презентации нет цитат из произведения Омара Хайяма, поскольку в Рязани он не бывал.

У нас зато вице-губернатором служил Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, на него и буду в основном довольно часто я ссылаться.

Характеризуя период до 2008 года, приведу цитату из известного произведения «История одного города»:

«...Обыватели, развращенные постоянной гульбой, до того понадеялись на свое счастье, что, не вспахав земли, зря разбросали зерно по целине: “И так, шельма, родит”, - говорили они в чаду гордыни...»

В принципе это короткое описание, если отнести к периоду до 2008 года.

По большому счету, на мой взгляд, это не было каким-то системным продуманным успехом, а рост в основном обеспечивался сочетанием положительных факторов для России: высокая цена на нефть, благосостояние росло само собой.

Россия достаточно удачно вписалась в этот рынок, и все получали от этого определенный профит.

Налоговый пресс в основном не касался предпринимателей.

Это был период, как я его называю, романтического капитализма, когда можно было всё, а оптимизацией налогообложения не занимался только ленивый.

При этом если какие-то были попытки надавить на бизнес через, например, налоговую инспекцию, то всегда глубоко была линия обороны.

Можно было дать взятку проверяющему или руководству, отправить предприятие за Урал с переводом бизнеса на новую контору, ну а если еще было ценное имущество на предприятии, то применялся институт банкротства.

При этом в российских реалиях буйным цветом расцвели все схемы ведения бизнеса, наличка.

Основные направления использования налички в порядке убывания – это сфера заработной платы.

Известная история, что для того, чтобы 1 рубль отдать на руки работнику, нужно заплатить налогов и начислений 80 копеек.

Соответственно, обналичка стоила в 2008 году 5%, сейчас возросла до 20%.

Второе направление использования – откаты и коррупция.

Откаты – это отдельная история.

В Советском Союзе были снабженцы-толкачи, хозяева жизни, а сейчас снабженцы в коммерческих частных предприятиях сидят на закупках, соответственно, например, для того чтобы пойти в сети, в некоторые, не секрет, что нужно тоже заплатить откат.

Это кроме коррупции.

Процветали безналичные серые схемы, которые использовались для уменьшения платежей по НДС в первую очередь, а иногда для незаконного возмещения налогов на добавленную стоимость и на прибыль.

Серые деньги, как правило, интегрируются в бизнес-оборот, то есть редуцируют налогообложение.

Количество нормативных требований бизнес-субъектам росло, как и законодательство, однако растущий

уровень доходов и коррупция позволяли легко справиться с ними: либо соответствовать, либо избегать.

Очередное ужесточение нормативов, с одной стороны, делало предпринимателей преступниками еще по одной статье, но, с другой стороны, воспринималось как досадное обстоятельство, не имеющее принципиального значения.

Криминальное давление к этому периоду, по крайней мере в нашем регионе, было минимальное, а процесс передела собственности в основном завершился.

Вот в таких условиях фактически сформировался неписанный общественный договор между малым и средним бизнесом и властью.

Возвращаясь к теме моего доклада – это как раз общественный договор между бизнесом и властью.

Я начинал выступление с цитирования Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина.

А вот в 2008 году мне попало довольно известное стихотворение «Баллада о пиленом бабле».

«...Люди всей страны с детьми и взрослыми, рты открыв, забросив все дела, просидели много лет под козлами, на которых шел распил бабля. Мы – цари, Вселенная – кормилица, стоит только глазом нам моргнуть, все бабло придет к нам и попилится, устывая стружками наш путь...»

По-моему, то, что Салтыков-Щедрин написал, и то, что в 2008 году написал наш современник, очень похоже.

Это, наверное, свидетельствует о том, что меняются технологические аспекты в обществе, но сами люди и сами социальные отношения, к сожалению, меняются гораздо медленнее.

Таким образом, к 2008 году сложилась формула общественного договора.

И снова обращаюсь к Салтыкову-Щедрину, который в одном из своих произведений нарисовал образ губернатора, который имел склонность к написанию законов.

Его первый закон был таков: «Всякий человек да опасно ходит, откупщик же да принесет дары».

Формула этого общественного договора была следующая.

Вначале определим ее как бы с позиции власти:

«Нефть, газ и стратегические направления – это прерогатива государства.

Мы знаем, что вы все, бизнесмены, - жулики, но вокруг ваших бизнесов кормится достаточно большое количество народа, который более-менее сыт, одет, обут и не ропщет.

Поэтому мы сквозь пальцы смотрим на ваши шалости.

Не лезьте в политику, обогащайтесь до определенного уровня, платите налогов, сколько сможете – и мы вас не тронем.

Но помните, что каждый из вас является преступником и при ярком проявлении недовольства статья на вас найдется вне зависимости от количества денег».

Теперь определим позицию бизнеса:

«Власть обеспечивает большой рост экономики (то есть эти опилки сыплются), мы не лезем в политику, даже можем вступить в ЕР, чтобы подтвердить свою лояльность и обеспечить себе дополнительные гарантии безопасности.

Не трогайте наше предприятие по-крупному, а на низовом уровне мы сами договоримся с вашими представителями.

Помогать нам не надо, лучше не мешайте».

Объективно такой общественный договор мог бы иметь право на существование и в наше время, бизнес вполне комфортно адаптировался к этим правилам игры.

Известно, что коррупция зачастую играет положительную роль в сильно забюрократизированных системах, является некой смазкой экономических отношений.

Однако всё начало меняться.

В 2008 году, на мой взгляд, произошло одно из таких важных событий – была объявлена парадигма о том, что Москва должна стать мировым финансовым центром.

Вернемся к истории.

Цитирую: «Очень часто видали глуповцы, как он (имеется в виду губернатор), сидя на балконе градоначальнического дома, взирал оттуда с полными слез глазами на синеющие вдалеке византийские твердыни.

Выгонные земли Византии и Глупова были до такой степени смежны, что византийские стада почти постоянно смешивались с глуповскими, и из этого выходили беспрестанные пререкания.

Казалось, стоит только кликнуть клич.

“Сперва с Византией покончим-с, – мечтал он. – А потом-с”...»

И вот, соответственно, мы начали интегрироваться с Западом; инвестиции не приходят, потому что плохо защищены права инвесторов, валютное законодательство недостаточно либерально, нет систем борьбы с отмыванием денег.

Следовательно, необходимо было либерализовать валютное законодательство, организовать противодействие легализации и ждать золотого дождя, то есть попытки прыгнуть в последний вагон уходящего поезда не удалась.

Даже международный кризис 2008 года не расчистил путь к росту, и вместо развития мы получили долгую стагнацию.

Но от инструментов, заточенных под нереализованную парадигму, отказываться не стали.

И вроде бы цены на нефть восстановились до комфортного уровня, а прежнего роста благосостояния уже не было.

И власть тогда обратила внимание на малый бизнес.

Сразу же после заявления Д.А. Медведева: «Прекратите кошмарить бизнес» – на места пришли проверяющие, доходчиво, с протоколами объяснили бизнесменам, что речь шла о других предпринимателях, которые соблюдают все многочисленные требования санитарных, пожарных, потребительских, ростехнадзорских, экологических, трудовых, транспортных, налоговых и прочих нормативов.

Приведу пример из Рязани: предприниматель, вдохновленный вот этим «не кошмарить», написал письмо Медведеву.

На следующий день к нему пришли ребята из одной очень влиятельной структуры и спросили: «Вот твое письмо дошло, чем тебе помочь-то. Мы тебе можем прислать, выбирай вот из этого списка, кого тебе прислать из помощников: налоговиков, санитаров и так далее».

Предприниматель подумал и отказался от такой «помощи».

Страшная вещь – это то, что под флагом 115-ФЗ – угроза отзыва лицензии – банки развернули широкий фронт борьбы с сомнительными операциями клиентов.

Несомненно, что борьба с финансированием терроризма, оборотом денег, а это незаконная торговля оружием, наркотиками и людьми, необходима.

Но 99,9% клиентов, которые попадают под пресс этого закона, не имеют к нему никакого отношения.

Как правило, это предприниматели, действующие в рамках сложившегося общественного договора.

Хороший он или плохой, но он действует частично до сих пор, к моему удивлению.

Параллельно ужесточился налоговый пресс, в основном за счет улучшения качества налогового администрирования.

Применяемые схемы оптимизации и раньше-то были как на ладони, особо никто и не прятался.

Одновременно на региональные рынки пришли федеральные сети со своими подрядчиками-поставщиками федерального уровня, соответственно, многие из этих сетей и крупных предприятий также ассоциируются с представителями власти.

Следует обратить внимание на такой факт.

Страна вообще начала превращаться в страну контролеров.

Рядом с многочисленными надзорными органами развелись конторки-паразиты, которые рисуют разные проекты: на вывоз отходов, на водные скважины, на организацию рабочих мест и т. д. и т. п.

И всё это за деньги, естественно.

А главное – всё это происходит под громкие лозунги о необходимости развивать и поддерживать малый и средний бизнес.

Ползучее нарушение старого порядка стало свершившимся фактом.

И присоединяюсь к мнению предыдущих ораторов: на сегодняшний день мы имеем глубокий кризис доверия между властью и бизнесом, поскольку власть не справилась с задачей обеспечения роста и нарушила старый общественный договор.

Частично завершая обсуждения, приведу народную поговорку, которая звучит следующим образом: «Свекровь с пониженной социальной ответственностью не склонна доверять невестке».

Причем эта поговорка верна, к сожалению, в обе стороны.

Внизу народ, бизнес экстраполирует свои подходы к ведению бизнеса на власть, то есть абсолютная уверенность, что раз тут мы подворовываем, недоплачиваем и так далее, то единственной целью власть предержащих является личное обогащение.

И соответственно, как можно доверять, если они только работают на свой карман?

И обратная ситуация совершенно понятна: власть также не доверяет бизнесу, может быть, по таким же причинам, по каким и свекровь не доверяет.

Соответственно, назрела необходимость формирования нового общественного договора.

И здесь я хотел бы подчеркнуть следующее: хорошо, конечно, когда есть какие-то сакральные основания для власти и для установления определенного порядка в обществе.

Но, на мой взгляд, сама сакральность ничего не обеспечивает.

Если установленный порядок не устраивает общество, то начинаются различные войны: реформации, раскол и так далее.

Конечно, хорошо, когда установленные, в том числе сакральные, основания резонируют с общественным настроением.

И тогда получается синергетический эффект развития.

В качестве примера можно привести, как протестантская культура с её протестантской этикой поддержала развитие англосаксонского капитализма.

Получился замечательный синергетический эффект.

Поэтому под будущее наше развитие необходимо новое морально-нравственное основание – для меня это совершенно определённо.

До сих пор и при Салтыкове-Щедрине, и сейчас взаимоотношения между властью и народом строятся по следующему принципу:

«...Всякий администратор добивается, чтобы к нему питали доверие. А какой лучше способ выразить это доверие, как ни беспрекословное исполнение того, чего не понимаешь?

Как бы то ни было, глуповцы всегда узнавали о предмете похода лишь по его окончанию...»

По-моему, лучше не скажешь.

Я попытался, как мог, избежать оценок, а просто старался называть вещи своими именами при анализе ситуации.

Но ясно одно, что старая модель благоденствия страны на экспорте ресурсов, да и экспорте вообще, даже высокотехнологичном, умерла.

На мой взгляд, изоляционизм, скорее всего, будет процветать в ближайшие 10–15 лет.

Что нужно для формирования нового общественного договора, по моему скромному разумению?

Во-первых, необходимо честно сформулировать роль и место бизнесмена в обществе.

Бизнесмены – это люди, нацеленные реализовать себя в расчёте на прибыль как оценку результата.

Если человек - предприниматель, он будет строить свой бизнес вне зависимости от того, поддерживает его общество или государство или нет.

Поэтому на первый план вопрос поддержки выходит только в кризисные моменты, и то поскольку необходимо людей обеспечить рабочими местами.

А главная польза от бизнеса для общества – это удовлетворение части общественной потребности и желания, а также создание рабочих мест.

В позднем Советском Союзе нельзя было ничего предпринимать, тем не менее предприниматели были, мы об этом знаем.

Они успешно работали несмотря ни на что.

Малое и среднее предпринимательство нужно вытаскивать из серой зоны и из чёрного нала.

На сегодняшний день созданы реально работающие эффективные механизмы кнута – налоговое администрирование, 115-ФЗ, банковский комплаенс-контроль.

Однако, чтобы восстановить доверие, необходимо создать аналог 115-ФЗ в экономической сфере.

При этом не следует применять закон о противодействии финансированию терроризма к экономическим преступлениям.

Нужно открыто назвать явление и открыто с ним бороться.

Абсолютно нелогично также, когда большая часть работ по выявлению налоговых экономических правонарушений возложена на коммерческие субъекты, то есть на коммерческие банки.

Постоянно мы слышим фразу, и она имеет право на существование: «У налоговиков ко мне нет претензий.

А почему вы ко мне придираетесь?

Вы такой же коммерческий субъект, как и я. Налоговики не спрашивают – вы придираетесь».

Роль банков в этом процессе серьёзна и важна – комплаенс-контроль и так далее.

Таким образом, с кнутом у нас всё в порядке, его надо лишь чуть поправить и настроить.

Вот только здесь у нас должно быть просто доверие, нужно бить за то, за что виноват, а не за то, что попался.

Теперь вернемся к проблеме с пряниками.

Власти наконец услышали про снижение начисления на фонд оплаты труда и понизили с 30% до 15% начисления.

Это замечательно, но недостаточно.

Издержки на обналочку в 1, 5 раза ниже для субъектов без НДСных и в 2,5 раза ниже для ипотечных в НДС.

Для казны вот этот линейный подход, как они постоянно привыкли считать, чтобы корова давала больше молока и меньше ела, её надо меньше кормить и больше доить.

Вот такой подход здесь абсолютно не годится.

Вспомним ситуацию с введением 13%-ной плоской шкалы налогообложения по подоходному?

Там же поступления за 2–3 года выросли на порядок.

Вот здесь нужно ожидать такого же эффекта, если мы уравниваем расходы бизнеса на обналочку с официально выплачиваемыми доходами.

То есть где-то я посчитал, сохранение такого рода расходов на бизнес с переключением потоков с паразитов-обналочников на государственную казну возможно при начислении на фонд оплаты труда свыше МРОТ до 7%.

Там пойдёт 13% подоходный, 7% начисление на фонд оплаты труда.

И это будет примерно равно 20% за хорошую качественную обналочку, которую бизнес платит сейчас.

Кроме того, необходимо разрешить трансляцию налога на добавленную стоимость, уплаченного через безНДСные субъекты.

Такой механизм работает в Германии.

Я не буду останавливаться долго на налогах, потому что это не самый основной фактор, но он необходим.

Сегодня необходима реальная борьба с коррупцией.

Созданы целые системы отъёма денег на дорогах.

Хочется задать вопрос: где Общественный Народный Фронт, ФСБ, Финразведка?

«Платон» (государственная система взимания платы с грузовиков. – *Ред.*) потому и возмущает, что он не вместо этой коррупции на дорогах, а сверху этой коррупции.

Система госзакупок как минимум на муниципальном уровне – система коллективной безответственности, позволяет выиграть кому надо, и никому не отвечать за результат.

Нужна только персональная ответственность за состояние дороги, за цену и так далее.

Отдельная тема – отсутствие ответственности госорганов за их действие, а точнее, бездействие.

В лучшем случае виноват какой-то пристав, который уже уволился, налоговый инспектор, который уже не работает, а причинённый ущерб конкретному предприятию может быть огромен.

Необходима чёткая формулировка приоритетов развития и ревизия запретительно-нормативной базы с обоснованием цели каждого запрета и средств достижения.

Регуляторная гильотина – хорошо, но она очень эклектична и реактивна, по сути, а необходима проактивная системная работа.

На микроуровне картина следующая.

Пишется очередное экологическое законодательство, и что происходит? Три мусорных бака стоят рядом с головным офисом банка – это преступление против экологии.

Заказываем в конторке нужной проект, платим деньги, получаем вот такую стопку бумаг.

Наверное, экологии вред был больше нанесён этой работой, чем польза. Поскольку с точки зрения количества бачков ничего не поменялось.

В результате общество накормило паразитов, которые не создали для него никакой пользы, никакой добавленной стоимости.

Они просто прикормились за счёт новых законов.

На мой взгляд, форма нового общественного договора может быть следующей.

Власть декларирует, что выживаем и строим страну вместе.

Полезный бизнес – белый бизнес, ему обеспечиваем комфортный налоговый режим.

Если будет экономический рост – налоги сможем увеличить, спад – гайки ослабим.

Коррупция – непримиримое зло.

Чиновники главных госорганов несут ответственность за свои действия и бездействия.

Сервис схемы, обналочка как обеспечение коррупции – красная черта.

Кто попался – не обижайтесь.

Господдержка приоритетных направлений, развитие в мирное время обеспечивается.

И в кризисы пропорционально фонду оплаты труда персонала, соответственно, уплаченным налогам и сборам оказываем целевую поддержку бизнесу.

В то же время бизнес берёт на себя обязательства.

Если бизнес-модель не обеспечивает белую прибыль, то это криминал.

Бизнес – добросовестный налогоплательщик и должен требовать от представителей власти на местах соблюдения условий договора.

Свою позицию бизнес формулирует через общественное объединение предпринимателей, которые, в свою очередь, определяют кодекс чести по аналогии с купеческими гильдиями.

Объединения берут на себя функцию защиты рынка от неконвенциональных действий недобросовестных игроков, включая расследование в таких случаях, передачу материалов в компетентные органы.

Звучит идеалистически, я понимаю, но что делать.

Общество нуждается в восстановлении доверия к власти в широком смысле.

Как ни странно звучит, но реальный, непридуманный кризис, по моему мнению, лучшее время для восстановления этого доверия, то есть именно сейчас.

Возможно, это очень хороший шанс либо для премьера, либо для президента – обратиться в данной ситуации к предпринимательскому сообществу, а может быть, и шире.

Это должно быть какое-то обращение ко всему народу.

Само по себе обращение хорошо, но за ним должна последовать большая системная работа по согласованию исполнения нового общественного договора между бизнесом и властью.

Это как раз обеспечение той самой глубокой обратной связи, о которой уже говорили мои коллеги и которая крайне важна для управления.

И последнее.

Опять процитируем Салтыкова-Щедрина:

«...Глуповцы испугались и начали похаживать к бригадире на двор. – Так как же, господин бригадир, насчет хлебца-то? Похлопочешь? – спрашивали они его. – Хлопочу, братики, хлопочу! – отвечал бригадир. – То-то, уж ты постарайся! – Это голодный год в Глупове наступил...»

В регионе в банковском секторе ситуация стабильная, от дистанционки отказались, мы решили сделать шахматную работу сотрудикам.

Заодно выясняются скрытые резервы на уровне организации.

Клиентов обслуживаем в полном режиме.

Поступают одиночные пока заявки на кредитные каникулы физических, юридических лиц.

Более точно оценить масштаб этого явления можно будет позже.

Что нравится?

Сегодня как раз проявляются лучшие черты народа, активность предпринимателей сконцентрирована в основном вокруг нашего областного омбудсмена.

Активно обсуждаются вопросы о пропусках, разрешениях работы, мерах федеральной и региональной поддержки.

Отклик и обратная связь на региональном уровне достаточно оперативные, правда, не всегда по существу, но никто не отмахивается.

Федеральную поддержку и ее банковский аспект активно обсуждали на совещаниях в АРБ.

Гарегин Ашотович, я Вам рассказывал, что мы к 30-летию банка приурочили проведение научно-практической конференции и приглашали Центр макроэкономического

прогнозирования и краткосрочного планирования, Белоусовский центр.

Сотрудники нам рассказали, что рассматривались на тот момент два сценария развития – либо реализация национальных проектов, среди которых в том числе борьба с бедностью, либо всё-таки с учётом этой ситуации с пандемией и курсом, ценой на нефть уход в стабилизационный сценарий развития, при котором из нацпроектов остаётся только борьба с бедностью.

Буквально вчера прозвучало заявление о том, что программы поддержки населения будут осуществляться в том числе за счёт нацпроектов.

Из этого можно сделать вывод, что программа развития, к сожалению, встанет на паузу.

На повестке дня будет стабильность и борьба с бедностью.

ТОСУНЯН Г.А.

ак. РАН

Спасибо.

Коллеги, вы видите, какой обстоятельный доклад.

У меня даже язык не поворачивался прерывать, хотя с регламентом мы вышли за всякие рамки.

Пожалуйста, коллеги. При всём том, что уже мы перешагнули за 4-часовой регламент, но, тем не менее, вопросы Михаилу Владимировичу.

У меня лично его доклад очень чётко коррелировался с докладом Ильи Теодоровича, как, может быть, ни покажется странным.

Но я их доклады примерно на одной волне воспринимаю. Предыдущие доклады, конечно, тоже.

Илья Теодорович, Вы слышали синхронность некоторых мотивов в ваших с Волковым докладах?

Да. Вы знаете, к своему удивлению, я действительно услышал некоторые параллели.

И параллели эти имеют место не только между нашими двумя последними сообщениями, но просматривается и некоторая аналогия с выступлением Дмитрия Викторовича Ушакова.

Мы во всех трех случаях, помимо всего прочего, говорили о некоторой социальной дистанции, то есть об организации социального пространства между властью, с одной стороны, и другими социальными субъектами, такими как наука или бизнес, с другой стороны.

Я пытался балансировать между двумя вариантами.

С одной стороны, между некоторой дистанцией для того, чтобы можно было хоть что-то увидеть, а с другой – минимизацией дистанции для того, чтобы можно было хоть что-то сделать.

Дмитрий Викторович говорил однозначно о том, что большая дистанция мешает правильным социальным решениям.

А у меня на этом фоне возникла мысль, что, похоже, отношение власти с бизнесом надо выстраивать так: чем больше дистанция, тем лучше.

В противном случае ничего хорошего не получается.

| ВОЛКОВ М.В.

Это смотря какая власть и какое отношение власти к процессам управления.

А вообще, если говорить о моделях экономического развития, всё-таки учитывая, что со времён Салтыкова-Щедрина М.Е. общественные отношения не сильно изменились, всё звучит очень актуально.

Я думаю, можно всё-таки искать какие-то основы для моделей в нашем прошлом.

В частности, если брать экономический рост на фоне всемирного экономического кризиса и американской Великой депрессии, то всё-таки это рост первых пятилеток.

В последующем – до 1954 года применяющиеся модели.

Ведь там сначала было очень много экспериментов экономических – как мотивировать людей, как вовлечь в труд. А потом остановились на системе повышения экономической эффективности, которая обеспечивала мощные, в том числе и социальные, лифты, которые сейчас выключены.

Это ещё один аспект.

Мне кажется, можно смотреть чуть туда. Учитывая, что там как раз мы говорим о плохом измерении результатов. А там как раз натуральные показатели использовались в основном.

Была система вовлечения трудовых коллективов, то есть больших масс людей, из которых отбирались люди, у которых работала голова.

Мы же знаем, что есть огромные различия в интеллектуальных способностях между людьми.

Это не статистические, не гауссовские различия; разница до 40 раз, как профессор Савельев С.В. нас учит.

Надо включать этот ресурс, надо весь народ мобилизовать в построении нового общества.

САРКИСЯН Т.С.

К.Э.Н.

Я хочу вернуться к нашей любимой теме, по которой мы дискутируем достаточно давно, относительно роли Академии наук РФ в решении общественных, социальных проблем, которые существуют.

В частности, сейчас Михаил Владимирович затронул очень важную тему общественного договора между бизнесом и государством.

Что говорит наука, какие рекомендации даёт наука, Академия наук относительно того, каким образом этот общественный договор должен состояться?

Какие основные постулаты там должны быть?

Не считаете ли вы возможным, чтобы Академия наук сделала экспертизу этих идей или сама выдвинула бы эту тему в качестве актуальной со своими рекомендациями?

Или Академия наук опять будет со стороны смотреть на то, как власть не умеет справляться с проблемами, и критиковать власть за то, что науку не привлекают к решению текущих проблем?

Тосунян Г.А.: Я понял вопрос.

Абдусалама Абдулкеримовича, во-первых, благодарю за такое долготерпение, что Вы с нами все четыре часа, уже пятый час пошёл.

Абдусалам Абдулкеримович является руководителем Секции права, философии, социологии, политологии и психологии в Отделении общественных наук.

Мы с Абдусаламом Абдулкеримовичем имеем очень серьёзные намерения, касающиеся этой темы.

Ее в хорошем разрезе сегодняшнего контекста общественного договора действительно надо ставить.

Более того, мы договорились с Абдусаламом Абдулкеримовичем, договаривались и с Ушаковым Дмитрием Викторовичем, и с Касавиным Ильёй Теодоровичем о том, что на рабочем завтраке мы поставим ряд вопросов об общественном состоянии дел, тем более обострённом кризисами: коронавирусным, экономическим и прочими.

Мы хотим затем обсудить это и на нашей секции, если Абдусалам Абдулкеримович поддержит.

Если Смирнов Андрей Вадимович поддержит, то затем – на заседании отделения.

Сегодня, вы видите, президент Академии наук тоже принимал участие, потому что и перед ним мы эти вопросы, может быть, пока в слишком общих чертах, но ставим.

Абел Гезевич экономическую часть с коллегами обсуждают тоже, и делают это непрерывно.

Так что, Тигран Суменович, если коротко Вам отвечать – да, собираемся, а не только критиковать.

Да и Вы сами принимаете во многих наших обсуждениях участие.

Мы ставим вопрос: что будем делать?

Абдусалам Абдулкеримович, конечно же, Вам в первую очередь слово в этом вопросе.

ГУСЕЙНОВ А.А.

ак. РАН, д.филос.н.,

научный руководитель Института философии РАН

Приветствую всех.

Я прежде всего хочу сказать, что давно не участвовал в таком интересном, глубоком и честном разговоре и дискуссии по очень актуальным вопросам.

Что касается самого вопроса, который был задан: что мы собираемся делать?

Я само это обсуждение рассматриваю отчасти как филиал, продолжение нашей секции.

Ведь фактически это работа именно существующего у нас в рамках отделения Междисциплинарного совета.

Идеи, которые здесь высказывались не только в последних трех, а во всех четырех докладах, начиная с первого, с которым выступил Арутюн Ишханович, они все говорят об одном и том же.

На самом деле здесь Гарегин Ашотович с его выдающимися организационными способностями и человеческим тактом найдёт возможность продолжения, то есть выявления каких-то действительно общих оснований этих докладов с тем, чтобы можно было это обобщить в таком виде, который удовлетворил бы и нас, и задавшего этот вопрос Тиграна, который выступает, как я понимаю, от имени власти. Да? От имени людей.

Саркисян Т.С.: Основной защитник позиции власти, да.

Гусейнов А.А.: Я и говорю.

Тосунян Г.А.: Сейчас он возглавляет уже коммерческую структуру.

Гусейнов А.А.: Неважно. Весь его опыт и стиль мышления остаются.

Мне кажется, очень интересно.

Лично сам я не могу подключиться к этому вопросу, к тому, что обсуждалось.

Было много сказано вещей, которые требуют обдумывания.

Чувствую, что все упираются в какую-то точку, но она ещё до конца не сформулирована.

Дмитрий Викторович воспользовался методологией «вызовы и ответы». Много говорили об ответах.

А всё-таки в чём вызов состоит?

Вызов не сформулирован.

На какой вызов мы даём ответ?

Конечно, ситуация, в которой мы оказались в связи с коронавирусом, ясна.

Сам коронавирус, быстрота распространения, опасности и так далее.

Конечно, он будет каким-то образом преодолён со всеми последствиями, которые он вызвал.

А вызов-то в чём состоит?

Тот вызов, который требует философского, социального осмысления и который требует какой-то коренной перестройки всей системы наших отношений между властью – обществом, бизнесом – властью и так далее.

Где он, этот вызов?

Мне кажется, над этим надо подумать и найти какие-то правильные и не очень сложные словесные конструкции, в которых мы могли бы этот вызов сформулировать.

Но прежде всего надо самим понять.

Я не могу тоже ничего сказать, но чувствую, что здесь, если не говорить так громко – перед человечеством, но, по крайней мере, перед нашим обществом действительно стоит серьёзный какой-то вызов, что мы находимся на каком-то переломе.

В разных формах это выразили наши докладчики. Если посмотрите, все докладчики говорили об этом.

Начиная с первой проблематики, связанной с компьютерными технологиями – такой буйный прогресс этих технологий, которые нельзя сдерживать и в то же время нужно иметь какие-то гарантии безопасности.

И всё то, что Илья Теодорович говорил, что должен быть какой-то совершенно другой тип соотношения между наукой и социальной практикой, сама их дистанция должна иметь другой тип.

Совершенно замечателен такой лукавый доклад, который представил Михаил Владимирович, где он прикрывался Салтыковым-Щедриным М.Е. и какими-то простыми вещами, своей такой «инженерной» речью.

На самом деле он представил совершенно глубокий, достойный любого академика анализ реально существующего общественного договора.

Вот это он и есть, понимаете.

Реально самой жизнью сложился такой общественный договор. И мы видим, куда он ведёт.

Так что я на самом деле не знаю, замысел это был или ещё что, может быть, все такие завтраки у вас.

Но этот меня просто поразил.

Будет жалко, если он не получит продолжения и обобщающего завершения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Спасибо огромное, Абдусалам Абдулкеримович.

Коллеги, конечно, я должен сказать, что, может быть, что ни делается, всегда к лучшему.

Потому что доклад Михаила Владимировича как заключительный, оказался тоже не просто глубоким, но он подвёл как бы некоторый итог нашему высокоинтеллектуальному обсуждению в первых 3 докладах.

Фактически он встроился с этой ключевой темой общественного договора.

Единственное, что вы понимаете, если мы бы в более сокращённое время уложились, тогда многие аспекты не успели бы обсудить.

Здесь я лично не пожалел, что мы 4, уже 5-й час работаем, вышли за регламент.

Тем не менее, нас 38 человек есть, многие планировали с учётом того, что обычно в 12.30 мы завершаем, но блестящее обсуждение.

Огромное спасибо, конечно, всем докладчикам, начиная от Арутюна Ишхановича, Ильи Теодоровича, Михаила Владимировича, Дмитрия Викторовича. Абел Гезевич свою лепту внёс, Тимофей Александрович, Абдусалам Абдулкеримович, Тигран Суменович, как всегда.

Коллеги, вот именно такой коллективный разум может гигантские задачи решать.

Я рад, что у нас и представители Государственной думы, Росфинмониторинга, руководители Академии наук не пожалели на это время.

Мы в состоянии многое сделать, и если не мы, то кто?

Мне кажется, это придаёт уверенности, когда ты видишь столько союзников.

Понимаешь, что в этой ситуации сила мысли может быть очень мощной.

Сейчас я уже вынужден подводить итог, хотя хочется продолжать дискуссию такого уровня.

У меня 23 или сколько-то пунктов.

Я тут конспектировал, думая, что, когда буду подводить итог, по всем пунктам пройдуся.

Поэтому в ходе дискуссии некоторые мысли оставлял на потом.

Но понятно, что это уже будет явный перебор.

Наверное, нам предстоит сделать анализ всему тому, что мы обсудили, услышали сегодня, и придётся ещё уделить внимание этому на других наших рабочих завтраках.

Потому и запись идёт, чтобы мы это могли законспектировать.

Какие-то эпизоды дать по согласованию с выступавшими на сайте Ассоциации российских банков.

Я попрошу все слайды прислать.

Михаил Владимирович, это и Вас касается, Илья Теодорович, Вас тоже, и Арутюна Ишхановича очень прошу слайды дать.

Я и мои коллеги над этим очень серьёзно работаем. Кроме архивирования и кроме того, что к этим архивам потом возвращаемся, мы серьёзно работаем с ними и сразу после заседания.

Абдусалам Абдулкеримович, Ваше благословение на то, чтобы мы фактически на междисциплинарный совет вынесли, «немного причесав», уже сделанные предложения, и в качестве содокладчиков пригласим в том числе и Михаила Владимировича.

Я думаю, из Рязани не поленится, приедет.

Недавно в МГУ на семинар Аузана пригласили Швецова из Центрального банка.

Саватюгин там делал доклад, такой свой критический анализ Счётной палаты.

На этом семинаре Швецов сказал в ответ на критические замечания Саватюгина, что, слава Богу, наконец появился интеллектуальный партнёр в лице Счётной палаты, с кем можно обсуждать проблемы финансового рынка.

Я, честно признаюсь, воспринял это как оскорбление в адрес Ассоциации российских банков и моих коллег-банкиров.

Я возразил: «Уважаемый первый заместитель Председателя Центрального банка, Вам, оказывается, интеллектуального общения не хватает?»

Вы всерьёз не видите, что проблема в другом, что при способности и желании слышать и видеть Вы имели бы довольно много интеллектуальных партнёров.

Но Вы в упор не видите и не хотите или не умеете слышать оппонентов, в частности, в лице Ассоциации, или в лице руководителей рыночных банков, которые не амбициями руководствуются и не госсредствами подпитываются, а реально видят жизнь и предлагают решения!

Но регулятору это не нравится, а потому не очень интересно!»

Он потом стал объяснять, что я его неправильно понял.

Тем не менее, понимаете, я имел в виду именно моих коллег, таких как Михаил Владимирович.

Да, конечно, их не десятки и не сотни, но они есть.

Есть, может быть, чуть менее опытные, менее знающие.

Но в том-то и всё дело, что это и есть «соль земли нашей», люди, которые работают в коммерческих структурах, но которые сегодня не в фаворе.

Мы на Совет и на секцию Академии с разрешения Абдусалама Абдулкеримовича будем приглашать в том числе практикующих людей, которые вполне могут на философском языке говорить.

Илья Теодорович, не возражаете?

Потому что у нас с Ильёй Теодоровичем бывают споры по поводу того, можно ли только об обыденных проблемах говорить или только о возвышенных.

Это я так утрирую.

На самом деле они друг друга дополняют, эти проблемы.

Как вы видите, от земли ты черпаешь в том числе и проблемы общественного договора, и многие другие высокие материи.

Поэтому, коллеги, огромное спасибо всем за то, что приняли участие.

Г.А.ТОСУНЯН

**Анализируя сегодня,
говорим и думаем о будущем**

Материалы заседания 18 апреля 2020 года

Выпуск № 4

Подписано в печать 04.10.2022
Формат 60x90/16
Цифровая печать
Тираж 700 экз. Заказ №93

Отпечатано в ООО «НОВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
117525, г. Москва, ул. Днепропетровская, д. 3, корп. 5, пом. III

Научно-консультативный совет Отделения общественных наук РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы. В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: в каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?

Сопредседатели Совета: академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

Ассоциация российских банков учреждена в марте 1991 года. Миссия Ассоциации российских банков — реализация программы банкизации страны, создание условий для эффективного функционирования, развития банковской системы России и обеспечения ее стабильности, защиты прав, интересов банков и условий для справедливой рыночной конкуренции; участие в построении национальной финансовой экосистемы, основанной на принципах соблюдения прав и реализации комплекса мер по повышению финансовой грамотности потребителей.

Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права учрежден в конце 2019 года.

Цель института — многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия, достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.

